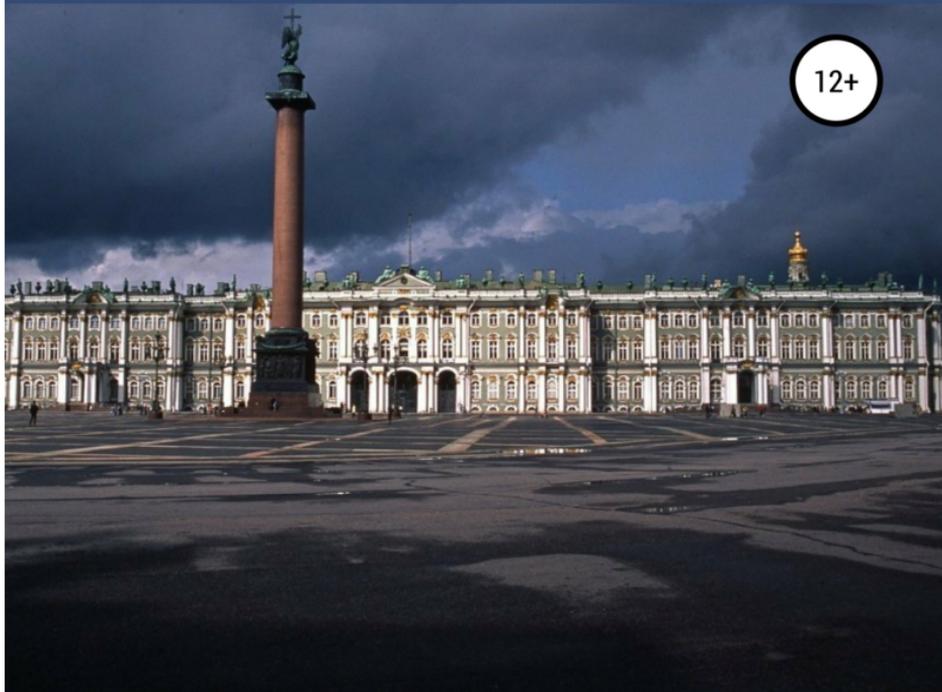

Анатолий Гусев

Мятеж

Анатолий Алексеевич Гусев

Мятеж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43725231

SelfPub; 2022

Аннотация

Корниловский "мятеж" – случайная провокация Керенского, которой воспользовались большевики.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	16
3	24
4	33
5	38
6	50
7	61
8	76
9	92
10	101
11	117
12	131
Эпилог	147

Анатолий Гусев

Мятеж

Пролог

*Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.*

Максимилиан Волошин.

В начале июля 1917 года было подавлено стихийно вспыхнувшее в Петрограде пробольшевистское восстание. Для большинства руководителей большевиков оно стало явной неожиданностью. Красногвардейские отряды обезоружены и разогнаны, большевицкие газеты закрыты, в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов власть перешла в руки меньшевиков и эсеров. Руководители большевиков арестованы, и содержатся в Петропавловской крепости. Вождь большевиков – Ленин вместе со своим соратником Зиновьевым скрывается где-то от охраны Временного правительства. Большевики вынуждены перейти на нелегальное положение.

Александр Фёдорович Керенский, военный министр Вре-

менного правительства занял должность министра-председателя вместо ушедшего в отставку Георгия Львова, назначенного лично Николаем II после своего отречения.

В Таврическом дворце эсеро-меньшевистский Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов назвал большевиков заблуждающимися, но честными борцами и попытку представить их вождем Владимира Ленина германским шпионом, а их всех обвинить в государственной измене, не более чем происки контрреволюции.

У большевиков остался ещё шанс, взять реванш.

Все эти события авторитета Временному правительству не прибавили, порядка по-прежнему не было, царила анархия и неразбериха. В стране требовалось навести порядок.

1

На вокзал города Могилёва, где в это время находилась Ставка Верховного Главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова, прибыл поезд министра-председателя и, одновременно, министра армии и флота Александра Фёдоровича Керенского. Прибыл для назначенного на этот день – 16 июля – совещания о выработке неотложных дел по армии. Совещание назначено на 15 часов, прибытие поезда было намечено на 14 часов 30 минут, но он прибыл на час раньше. К огромному неудовольствию министра-председателя его никто не встречал: ни сам генерал-адъютант Брусилов, ни, хотя бы, его начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский.

Как раз в это время главнокомандующий слушал доклад своего начальника штаба о положении дел на фронтах. Узнав о прибытии Керенского, Брусилов решил не прерывать доклад Лукомского, а послал своего генерала для поручений с извинениями и просьбой прибыть в Ставку в назначенное для совещания время.

А.Ф. Керенский

Керенский высокий красивый брюнет с умными карими глазами и хищным орлиным носом, в своём обычном полувойенном френче с удивлением выслушал посланца от Брусилова. Потом началась истерика. Керенский размахивал руками, топал ногами, нервно бегал по вагону.

– Это возмутительно! – кричал он. – Что он себе позволяет! Так игнорировать главу правительства! Возможно ли было такое при царском режиме? Демократия демократией, но всему же должен быть свой предел, субординация, в конце концов!

Наконец, успокоившись, Александр Фёдорович опустился в кресло и обратился к своему шуруину полковнику Барановскому:

– Владимир Львович, не сочтите за труд, сходите, пожа-

луйста, к генералу Брусилову и потребуйте от него немедленно явиться сюда для доклада.

Вскоре Алексей Алексеевич явился в вагон к Керенскому. Пожилого генерала молодой тридцати шестилетний министр-председатель встретил холодно. Он ни в чём не упрекнул Брусилова, спокойно сидел в кресле за столом и слушал его доклад. Время приближалось к четырём часам дня, а совещание было назначено на три часа, их ждали.

– Александр Фёдорович, – сказал Брусилов, – нас ждут. Не благоугодно ли будет Вам отложить совещание или поторопитесь ехать?

Керенский милостиво согласился.

В двухэтажном губернаторском доме, где располагалась Ставка, Брусилова и Керенского ждали: генералы Алексеев, Рузский, Лукомский, генерал-квартирмейстеры Ставки – Романовский и Плющик-Плющевский, главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский и Западным фронтом генерал Деникин со своим начальником штаба генералом Марковым, комиссар Юго-Западного фронта Савинков. Вместе с Керенским прибыл министр иностранных дел Терещенко.

Совещание началось. Первым выступил Брусилов. Речь его была краткая, осторожная, выражения неопределённые. Но и эту речь нетерпеливо оборвал министр-председатель:

– Алексей Алексеевич, мы собрались выработать конкретные шаги по восстановлению боеспособности армии. Прошу высказываться конкретно и определённо.

Предоставили слово генералу Деникину. Антон Иванович откашлялся и начал:

– С глубоким волнением, и в сознании огромной нравственной ответственности, я приступаю к своему докладу; и прошу меня извинить: я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет моё слово теперь – при самодержавии революционном.

Доклад обещал быть долгим и обстоятельным. Деникин цитировал донесения командиров частей и резолюции солдатских митингов:

– Фронтовой комитет 8 июня вынес постановление – "не наступать"; 18 июня перекрасился, и высказался за наступление. Комитет 2-ой армии 1-го июня решил не наступать, 20-го июня отменил свое решение. Минский совет рабочих и солдатских депутатов, 123 голосами против 79-ти, не разрешал наступать. Все комитеты 169-й пехотной дивизии постановили выразить недоверие Временному правительству, и считать наступление "изменой революции".

Керенский разглядывал собравшихся генералов. Все были худые поджарые как зимние волки, только Деникин и Романовский имели склонность к полноте.

Деникин продолжал:

– У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее. Новые законы правительства, выводящие армию на надлежащий путь, еще не проникли в толщу ее, и трудно сказать поэтому, какое они произвели впечатление. Ясно, однако, что одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала. Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики лишь поганые черви, которые завелись

в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может, честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования. Вначале это делалось под гнетом Совета солдатских и рабочих депутатов – учреждения, в первой стадии своего существования явно анархического. Потом обратилось в роковую ошибочную систему.

Керенский насторожился: так, это уже про него.

– Антон Иванович, – сказал Брусилов, – будьте добры, сократите свой доклад. Иначе совещание затянется.

– Я считаю, – ответил Деникин, – что поднятый вопрос – колоссальной важности. Поэтому прошу дать мне возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужден прекратить вовсе доклад.

Наступило молчание, Деникин продолжил:

– Объявлена декларация прав военнослужащих. И как правильно заметил генерал Алексеев: «Декларация, это последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготовленный русской армии».

Керенский вынужден был признаться себе, что, да, он умный, хитрый, изворотливый, поднаторевший в интригах, но для управления государством этого мало. Не хватает твёрдости характера. Такого характера, что взглянул и подчинённые побежали выполнять. А в стране наводить порядок надо,

всё очень запущено. Нужен кто-то из генералитета, кто сумеет навести порядок в стране, но в то же время, подчинялся лично ему и, по возможности, беспрекословно. Нужен новый верховный главнокомандующий – добрый мягкий Брусилов не подходит. Он, конечно, подчиняется беспрекословно, но порядок в армии навести, не сможет.

– Невзирая на развал армии, необходима дальнейшая борьба, как бы тяжела она ни была. Хотя бы даже с отступлением к далеким рубежам. Пусть союзники не рассчитывают на скорую помощь нашу наступлением. Но и обороняясь и отступая, мы отвлекаем на себя огромные вражеские силы, которые, будучи свободны и повернуты на Запад, раздавили бы сначала союзников, потом добились бы нас. На этом новом крестном пути, русский народ и русскую армию ожидает, быть может, много крови, лишений и бедствий. Но в конце его – светлое будущее. Есть другой путь, путь – предательства. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути политическое, моральное и экономическое рабство. Судьба страны зависит от ее армии. И я, в лице присутствующих здесь министров, обращаюсь к Временному правительству: «Ведите русскую жизнь к правде и свету, – под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность: за эту свободу вести в бой войска, под старыми нашими боевыми знаменами, с которых – не бойтесь! – стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет боль-

ше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед. Но вы – вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними»....Если в вас есть совесть!"

Деникин закончил выступление, слегка поклонился, благодаря за внимание. Керенский встал и пожал ему руку:

– Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искренне слово.

Потом выступали Алексеев, Клембовский, Рузский. По сути, они повторили вкратце, то, что было уже сказано Деникиным.

Савинков зачитал телеграмму Корнилова. В ней указывалось на необходимость: введения смертной казни в тылу, главным образом, для обуздания распущенных банд запасных; восстановления дисциплинарной власти начальников; ограничения круга деятельности войсковых комитетов, и установления их ответственности; воспрещения митингов, противогосударственной пропаганды, и въезда на театр войны всяких делегаций и агитаторов. А так же говорилось об усилении комиссариата, путем введения института комиссаров в корпуса, и предоставления им права конфирмации приговоров военно-революционных судов, – а главное, – генеральная чистка командного состава.

Керенский был в восторге:

– Большой широты и глубины взглядов этот человек.

Савинков от себя дополнил Корнилова:

– Это не вина революционной демократии, что солдатская

масса не верит своему командному составу. И у командного состава не всё благополучно обстоит и в военном и в политическом отношении. И главная цель комиссаров, этих новых революционных учреждений, восстановить нормальные отношения между двумя составными элементами армии.

Закончилось совещание речью Керенского, где он оправдывался, не говоря ничего конкретного.

В общем, генералитету стало понятно, что правительство их не поняло.

Через несколько дней Деникину пришло письмо от генерала Корнилова:

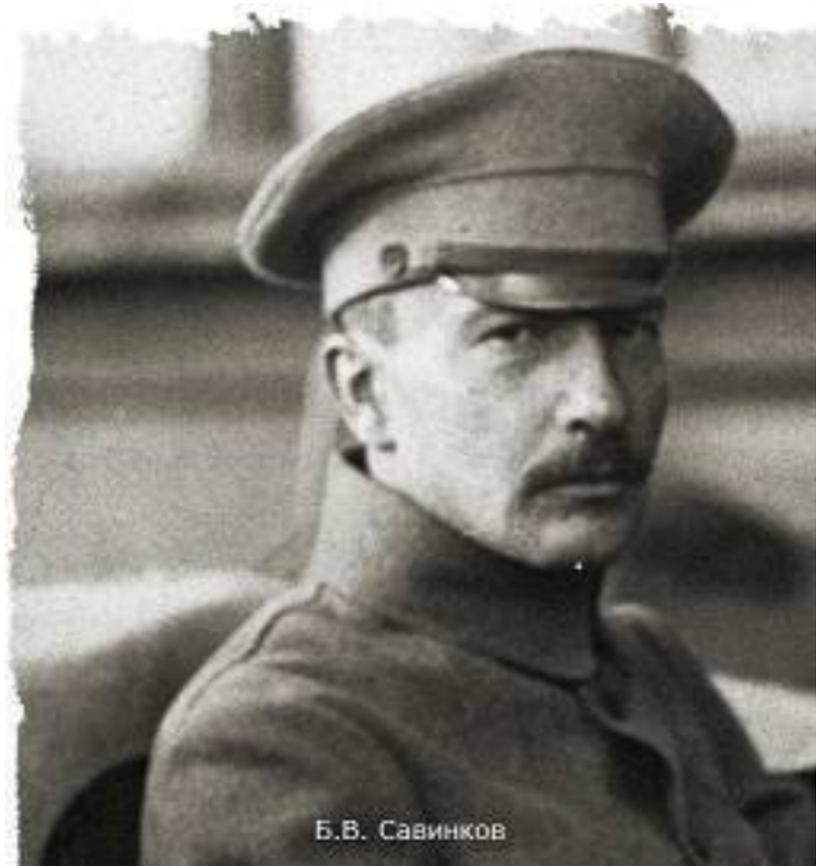
"С искренним и глубоким удовольствием, я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке, 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь, и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести до конца дело воссоздания родной армии, и восстановить ее боеспособность".

2

В полночь с вокзала в Могилёве поезд министра-председателя отбыл в Петроград. Керенский пригласил поехать с собой в столицу комиссара Юго-Западного фронта Бориса Викторовича Савинкова и комиссара 8 армии того же фронта, Максимилиана Максимилиановича Филоненко.

Чистота и роскошность вагона поражало воображение. Впрочем, чему удивляться? Это бывший литерный поезд императора России.

Адъютанты Керенского поручик Виннер и мичман Кованько принесли чай, подали сахар и булочки. Мерно стучали колёса, за окном вагона проносилась тёмная ночь, дрожали стаканы в серебряных подстаканниках, звякали о стекло серебряные ложечки.

Б.В. Савинков

М.М. Филоненко

Попутчики пили чай, сидели, разговаривали. Говорил, в основном, Керенский. Он вскакивал с кресла, ходил по вагону, вставал в картинные позы (он когда-то, в молодости мечтал о карьере оперного певца). Говорил министр-председатель о важных вещах – о переустройстве власти в стране.

– В стране анархия, – вещал он, – большевики разрушали

армию, и потянулась цепочка. Стало рушиться всё, что с нею связано. Ломать просто, наводить порядок сложно!

И, наконец, совершенно неожиданно Керенский предложил Савинкову стать его заместителем по армии и флоту, стать «товарищем министра» как тогда говорили. Освободить самого себя от должности министра армии и флота министр-председатель совершенно не хотел.

– А вас, Максимилиан Максимилианович, хочу назначить комиссаром при верховном главнокомандующем. Брусилова я давно думаю убрать с должности. Не справляется старик. Но кого назначить? Этот вопрос архи важный! Лучше всех из генералитета я знаю Деникина, я много раз бывал у него на Западном фронте и вообще Антон Иванович мне симпатичен. Но его сегодняшнее выступление! Если всё, что он говорил воплотить в жизнь, то мы получим более серьёзного врага, чем германцы. Врагом этим будет наш собственный солдат. Но решительный и твёрдый верховный главнокомандующий нужен и нужен уже давно.

Керенский сделал паузу, Савинков и Филоненко переглянулись.

– Александр Фёдорович, мы предлагаем кандидатуру Корнилова Лавра Георгиевича, – сказал Савинков.

– Корнилова? – спросил Керенский.

Он этого ожидал, а иначе, зачем бы он их приглашал? Ещё на совещании он решил, что новым главнокомандующим будет Корнилов. И понятно было, что комиссары Юго-Запад-

ного фронта предложат кандидатуру своего начальника, которого хорошо знают и на которого, скорее всего, имеют какое-то влияние. Но предложение исходит не от него, в случае чего Корнилова можно будет снять с должности, а обвинить, если что, Савинкова.

– Корнилова? Я его плохо знаю. И его требования отмены смертной казни очень резки по стилю. Хотя, надо признать, при сложившихся обстоятельствах, смертная казнь в войсках необходима. И я с этим согласился, пусть мера эта и не демократична.

– Лавр Георгиевич согласен с институтом комиссаров при армии, – напомнил Савинков.

Про смертную казнь, это была его идея, и Корнилов был с нею согласен, но именно он, Савинков, уговорил генерала написать об этом Керенскому. Савинкову надо было прощупать: пойдёт ли Керенский на уступки, можно ли будет его подвинуть в будущем. Оказалось – можно. На уступки Керенский пошёл.

– Что ж, – задумчиво сказал Керенский, – я подумаю над вашим предложением.

И 19 июля новым верховным главнокомандующим был назначен Лавр Георгиевич Корнилов.

Корнилов не отказался от предложения, но потребовал от правительства:

1) ответственности перед собственной совестью и всем народом.

2) полного невмешательства в его оперативные распоряжения, и поэтому, в назначение высшего командного состава.

3) распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все те местности тыла, где расположены пополнения армии.

4) принятия его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.

На следующий день, 20 июля от правительства поступило распоряжение о назначении на должность командующего Юго-Западного фронта генералу Владимиру Андреевичу Черемисову. Корнилов был категорически против, о чём он известил военное министерство. А также добавил, что пока его требования не будут удовлетворены, он в Ставку не поедет.

– Это уже слишком, – развёл руками Керенский, – какой-то казак ещё будет диктовать нам свои условия!

Министр-председатель был несколько растерян: другого кандидата на роль верховного главнокомандующего у него не было.

– А что вы хотели, Александр Фёдорович? – спокойно сказал Савинков. – Да, Лавр Георгиевич крут, упрям, твёрд. А как вы хотели, что бы в армии порядок наводили? Оставили бы тогда Брусилова. Алексей Алексеевич никаких требований бы не выдвигал. Корнилов хочет убедиться, что вы ему действительно доверяете, и не будете мешать наводить поря-

док в армии, что вы на его стороне.

Филоненко кивнул, соглашаясь со словами Савинкова:

– Это Завойко, адъютант Корнилова, интригует. Он видит Корнилова новым Бонапартом России.

Керенский насторожился. Новым Наполеоном России видит себя именно он.

– А новый Бонапарт, – продолжал Филоненко, – должен прославиться на военном поприще.

А вот с этим у Александра Фёдоровича было плохо, он даже в армии никогда не служил, но победу, как известно, добывают солдаты, а слава достаётся генералам или их начальникам.

– Да, – согласился Савинков, – Лавр Георгиевич подготовил наступление на своём фронте, если оно пройдёт удачно, то все лавры, – тут Савинков усмехнулся своему каламбуру, – достанутся Черемисову.

– И что вы предлагаете, Борис Викторович? – спросил Керенский.

– Согласится на его требования. Частично. Правительство не будет вмешиваться в назначения на высшие командные должности, но будет контролировать их. Всё остальное будет вводиться постепенно, что бы ни будоражить солдатские массы. А ответственность перед собственной совестью и народом, это, в общем-то, девиз Временного правительства. Черемисова снимем после проведения намеченной операции. С повышением, если операция пройдёт удачно или с

понижением, если пройдёт не удачно.

– Я соглашусь с вами, Борис Викторович. Максимилиан Максимилианович, вы всё слышали?

– Да и полностью с этим согласен.

– Тогда отправляйтесь в Бердичев к Корнилову. Вы, всё-таки, назначены комиссаром при верховном главнокомандующем.

Вскоре Корнилов из Бердичева прибыл в Могилёв. А после успешного прорыва германских позиций Черемисовым на пост главнокомандующим Юго-Восточным фронтом был назначен Деникин, а сам Черемисов отозван в Петербург.

Для Корнилова началась размеренная жизнь в Ставке верховного главнокомандующего.

3

Корнилов смотрел в окно на Днепр. Был новый верховный главнокомандующий небольшого роста, худощавый, тёмноглазый, лицо скуластое с редкой бородкой и усами, руки тонкие, но жилистые и имел кривые ноги прирождённого кавалериста. В Могилёве, в отличие от своих предшественников, предпочитавших новинку века – автомобиль, Корнилов передвигался верхом. Не смотря на тщедушную фигурку генерала, в нём чувствовалась внутренняя сила, воля. Характер у него прямой и твёрдый. Но он искренне соглашался с восточной мудростью, что только дурак всё знает, а умный во всём сомневается. Иногда это его убеждённость мешала оперативно принять решения. Он знал и любил изящную восточную поэзию и, при случае, мог щегольнуть цитатой какого-нибудь восточного, в основном персидского поэта. Владел он в совершенстве французским языком, что естественно для офицерской среды России, знал язык врагов – немецкий и английский, а кроме персидского языка, знал ещё урду и хорошо говорил на туркменском языке. Со своим конвоем, состоящим из текинцев, он общался исключительно на их языке. Это ему напоминало о молодости. Он вообще любил вспоминать о своих приключениях в Персии и Афганистане. А вот в людях разбирался плохо. Этот свой недостаток он знал.

Л.Г. Корнилов

Стоя у окна, Корнилов размышлял о Филоненко. Кто он? Друг или враг? В любом случае, он соглядатай Керенского или Савинкова или обоих сразу. Впрочем, Филоненко человек недалёкий, могли импользоваться втёмную и тот и другой. Глупый, но деятельный – что может быть хуже! Сра-

зу, по прибытию развернул бурную деятельность по разоблачению монархического заговора. Заговоры ему раскрыть не удалось, но нервы испортил многим.

В Ставке 30 июля состоялось совещание о снабжении армии. Присутствовали министры продовольствия и путей сообщения, их заместители и помощники. Доклад о железнодорожном транспорте был особенно удручающим. Корнилов предполагал, что в стране всё плохо, но настолько, что можно оставить армию без подкрепления и боеприпасов, он не ожидал. И в конце совещания, подводя итоги, Корнилов сказал:

– Положение удручающее. Как я понимаю, для победы России нужно иметь три армии. Одну на фронте, одну в тылу, работающую на нужды фронта, и железнодорожную. И во всех трёх армиях требуется установить железную, я бы сказал жесточайшую дисциплину.

С ним, естественно, согласились, а он приказал генерал-квартирмейстеру Ставки Плющик-Плющевскому составить докладную записку Временному правительству. И, что бы угодить главнокомандующему, он составил записку в жёсткой, почти в ультимативной форме. Корнилову текст записки не очень понравился, но переделывать текст не счёл нужным. Но позвонил по прямому проводу в Петербург Савинкову, ознакомил с запиской.

– Лавр Георгиевич, не слишком жёстко? – спросил Савинков. – Перепугаете всех до ужаса. Не слишком ли вы спешите-

те?

– Спешить плохо, но в добром деле – похвально. Вы в правительстве слишком связаны с Советами, и ни на что решиться не можете. Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне приходили с предложением о возведении на престол великого князя Дмитрия Павловича. Я против категорически! Я ни на какую авантюру с Романовыми не пойду. Предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного собрания, а там пусть делают что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Я разговаривал об этом с Антоном Ивановичем Деникиным, он полностью на моей стороне.

Савинкову было над чем задуматься. То, что генералитет был на стороне верховного, это, конечно, хорошо, слава Богу, что не весь. Есть пространство для манёвра. Намерения у Савинкова были простые: соединить Керенского и Корнилова. То есть совместить не совместимое да ещё под своим контролем. Корнилов настоящий солдат – прямой и честный. Для него главное Родина, а свобода, революция это всё словеса. Может ли такой человек руководить страной в одиночку? Нет, не сможет. Порядок навести сможет, а вот управлять – нет. А Керенский? Адвокат, сын богатого чиновника. Говорит много, говорит правильно, а о чём не понятно. Юрист. Получиться ли у него навести порядок, и руководить страной? Ничего у него не получится! Но у него авторитет революционера. Для него свобода, революция – это глав-

ное, а Родина, это вторично. Руководить страной сможет кое-как, если кто-то за него наведёт порядок. Вся затея Савинкова строилась на том, что Керенский и Корнилов сойдутся, а управлять ими будет он, Савинков. Он на это надеялся и не считал это невозможным. Как там сказал Пушкин?

Они сошлись. Волна и камень,

Стихи и проза, лед и пламень.

Обязательно должны были сойтись. Савинков посоветовал Корнилову пока не показывать записку Керенскому, а отдать её Филоненко, а после приёма у министра-председателя, перед заседанием правительства, встретиться с ним, Савинковым.

В ночь на 3 августа Корнилов выехал в Петроград. В Павловске в поезд сел Филоненко. Ознакомившись с запиской, он сказал Корнилову:

– Да... Записка составлена грубо, по солдафонски, прямо как ультиматум. Вы не находите, Лавр Георгиевич?

– Да, это так. Но переделывать некогда, да и слова не важны, важны действия. В конце концов, мы делаем одно дело – спасение России.

Филоненко ничего не ответил, пожал плечами, а записку оставил себе.

Поезд верховного главнокомандующего въезжал в утро и

в черте Петрограда наехал на вагонетку, перевозившую шпалы. Ничего страшного, но поезд прибыл на вокзал около полудня с опозданием на час.

Корнилов с вокзала тут же направился в Зимний дворец к Керенскому, а Филоненко с запиской к Савинкову на Мойку в особняк военного министра.

Над Зимним дворцом вместо жёлтого царского штандарта с чёрным двуглавым орлом, развивался красный революционный флаг, значить министр-председатель на месте. Многие были не довольны, что Керенский поселился в царской резиденции. Но с другой стороны, а где ему ещё жить? Здесь заседало Временное правительство, а сам министр-председатель не питерский, он из Симбирска, десять лет жил в Ташкенте и своего жилья в Петрограде не имеет. Не квартиру же ему снимать! А работал он иногда и до рассвета.

Корнилов шагал по пустым залам Зимнего дворца на третий этаж, где располагался кабинет товарища Керенского. Вот какой он ему товарищ? Керенский происходил из семьи зажиточных разночинцев, предки его были священнослужителями, отец – преподаватель, дослужившийся до действительного статского советника и получившего право на потомственное дворянство. Сам Александр Фёдорович успешный адвокат, сделавший карьеру на революции. А он, Корнилов, выходец из сибирских казаков. Детство своё в станции Каркаралинской, а затем в Зайсанской он помнил плохо. Бедность, степь, кони, пыль – ничего интересного. Гене-

ральские погоны он добыл своим умом и отвагой. Начало было не очень. За первую свою разведывательную экспедицию в Афганистан капитан Корнилов получил выговор. Он с туркменами без разрешения, по собственной инициативе, доехал до построенной англичанами для туземцев крепости Дейдади. Привёз от туда пять фотографий крепости и описание дороги, составил докладную записку о возможных трудностях в случае войны. Его непосредственный начальник, генерал Ионов немедленно направил рапорт командующему округом рапорт об экспедиции и с требованием немедленно наградить капитана Корнилов орденом Святого Владимира с мечами и бантом. Но командующий посчитал иначе и наградил обоих выговорами. Ионов получил строгий выговор, Корнилов – просто выговор. Но его заметили. Потом Корнилову поручали новые экспедиции в Кашгар, Персию, Белуджистан. Далее война с Японией, дипломатическая служба в Китае, война с Германией, плен, побег. И вот он, Корнилов, генерал от инфантерии, идёт на доклад к какому-то выскочке.

В библиотеке императора Александра III, Керенский принял верховного главнокомандующего.

– Ваши обращения к правительству, генерал, – с раздражением в голосе сказал министр-председатель, – звучат как ультиматумы.

– «Железо железным смягчают ударом», – процитировал поэта Низами генерал Корнилов. – Дело не во мне, а в обстоя-

новке в стране. Требуются немедленные жёсткие меры! Если правительство проявит нерешительность и мягкотелость, то я лучше уйду в отставку.

– Может быть, вы и мне предложите уйти в отставку?

– Вам? – удивился Корнилов.

– Да. Допустим, я уйду. Что дальше?

– Вы, Александр Фёдорович, признанный вождь демократических партий. Да, возможно, ваше влияние на народные массы несколько снизилось. Но в отставку вам уходить рано и не приемлемо. По другому и быть не может, – твёрдо сказал Корнилов.

Керенский был польщён, но не успокоен.

«Хочет ли мой отставки Корнилов или нет? – думал министр-председатель. – Наверное, хочет. Кто же не захочет стать полновластным правителем России?»

До заседания правительства было ещё четыре часа, и Корнилов после Керенского направился к Савинкову.

Савинков изучал докладную записку.

– Нет, Лавр Георгиевич, – сказал он Корнилову, – не надо её предоставлять правительству. Военное министерство готовит аналогичные меры и не стоит его подгонять. Поверьте, мы работаем.

Корнилов оставил записку Савинкову и Филоненко начал её переработку.

На заседании правительства Корнилов докладывал только обстановку на фронте. Положение российской армии – ужасное. И Корнилов не скрывал это.

– Я думаю, – говорил он, водя указкой по карте, – наступление немцев может начаться здесь и здесь. Цель – захват Риги.

За окнами раздался звук лопнувшей шины, все инстинктивно пригнулись. Корнилов оставался спокойным.

– Я не думаю, что немцы сразу же начнут развивать наступление на Псков и Петроград. Сил у них не хватит. Если у них получится овладеть Ригой, то они, скорее всего, закрепятся на захваченных рубежах и будут копить силы. А вот дальше – Псков и Петроград. Мы же в данном районе располагаем...

Корнилов начал озвучивать наименования частей, говорить о количестве войск, вооружения и боеприпасов.

Савинков что-то шепнул Керенскому, тот кивнул и крупно написал в блокноте: «Генерал, воздержитесь от оглашения секретных данных». И показал это Корнилову.

Корнилов был ошеломлён. Доклад был скомкан и Корнилов его быстро закончил.

4

После окончания заседания в коридоре Зимнего дворца Корнилов спросил Савинкова:

– Борис Викторович, что это означает – «воздержаться от оглашения секретных сведений»? В правительстве – что? Есть предатели?

– Чему вы удивляетесь, Лавр Георгиевич?

– Как чему? Как это может быть? Членов правительства, их имущество, капитал, жизнь, в конце концов, защищает государство! В его распоряжении армия, полиция, суды...

– Армия в развале, вы сами только что об этом докладывали. И, уверяю вас, с полицией и судами дела обстоят не намного лучше. Некоторые задумываются о будущем.

– Но предавать Родину!

– Для нас с вами Родина, а для кого-то это территория, где они, будучи в душе европейцами, по воле злого рока появились на свет.

Корнилов удивлённо и растерянно посмотрел на Савинкова и произнёс красивую фразу на звучном языке.

Савинков не знал персидского языка и спросил:

– Что вы сказали?

Корнилов охотно перевёл:

– *Не приложу ума, что с миром стало:*

Благоннадёжных тьма, надёжных – мало.

– Очень верные слова, Лавр Георгиевич, – с искренним восхищением произнёс Савинков.

– Да. Это Фирдоуси, великий персидский поэт. Сказано тысячу лет назад, а верно до сих пор. Вот ещё строчка:

– *Таков закон дворца, где правит зло:*

То ты в седле, то – на тебе седло.

– Красиво, – одобрил Савинков, – и, в принципе, верно. Хотя сейчас во дворце зло не правит. А вот если к власти придут большевики! Вот тогда – да! У них принципов нет, и крови они не боятся! Они порядок наведут! Такой, что Россия содрогнётся. Их мало, но желание захватить власть в стране у них огромное.

Савинков осёкся. Это будет катастрофа, если Корнилов с Лениным договорится. Два сильных и умных человека могут многое сотворить. Правда, Корнилов честен и благороден, хоть и из казаков, а Ленин – нет, хоть и из дворян. Впрочем, этот союз не вероятен.

– Большевики – это передовой отряд германцев, – продолжил Савинков. – Вы, Лавр Георгиевич, читали в «Живом Слове» подборку телеграмм? Статья называлась «Ленин, Ганецкий и К^о – шпионы».

– Разумеется. Но там не так всё однозначно.

– А вы хотели, что бы Германский Генеральный штаб подтвердил это? Или расписки в получении денег опубликовать? Так не бывает.

– Это я понимаю.

– Рассудите сами, Лавр Георгиевич. Ленин, русский революционер, из Швейцарии в Швецию, проехал через всю воюющую с Россией Германию беспрепятственно! И ни кто его не задержал. Чудес не бывает, генерал.

– Ленин, конечно, не шпион, но он действует в интересах Германии. Это очевидно.

– Рад, что мы находим общий язык, Лавр Георгиевич.

Савинков действительно был рад, что Корнилов на его стороне и подвержен его влиянию, а то он было засомневался. Теперь осталось подмять под себя министра-председателя, навести порядок в России, а затем встать во главе страны. Хозяин должен был быть один. Савинков искренне считал, что монархия изжила себя, что крестьянам надо дать землю, но не за счёт помещиков, рабочие должны иметь возможность управлять своими предприятиями через акции этих предприятий, но, при этом, суметь сохранить и интеллигенцию, как военную, так и гражданскую.

Корнилов это же ночью уехал к себе в Могилёв. Его переработанная записка легла на стол Керенскому.

А через день в «Известиях» Петроградского совета появились обширные выдержки из записки Корнилова Временному правительству. Левые газеты кричали о контрреволюции Корнилова и попытки установить военную диктатуру.

Савинков клялся, что он тут не причём.

Тогда кто причём?

Поползли упорные слухи об отставке верховного главно-

командующего. Это дошло до Корнилова.

– Я за свой пост не держусь, – с лёгким презрением сообщил он.

Но офицерский корпус России так не считал и на Керенского обрушился вал телеграмм от Союза казачьих войск, Союза офицеров армии и флота, Союза георгиевских кавалеров и прочих им подобных организаций с требованием оставить Корнилова на посту главковерха.

Керенский окончательно потерял доверие к Корнилову. Савинков был в отчаянье – его многоходовка рушилась на глазах.

Но Керенский отдавал себе отчёт, что с анархией в стране он самостоятельно не справиться, что нужна твёрдая рука. Но в то же время на собрании в Смольном, куда недавно перебрался из дворца Кшешинской Всероссийский Центральный Исполнительный комитет Советов, он клялся в верности демократическим принципам:

– Пока я у власти, товарищи, – говорил он, – я не допущу ни какого проявления самодержавия!

В это же время были выпущены из заключения, арестованные в июле большевики, – Каменев и Луначарский.

А Корнилов в Могилёве уже перестал думать об отставке, полагая, что ни к чему хорошему она не приведёт. А военная диктатура не такая уж и плохая идея. Главное, с какой целью она устанавливается. А цель благородная – спасение России! Главное, это вытащить Россию из болота анархии и

не допустить прихода к власти большевиков, этого передового отряда германских войск.

А Керенский? А что, Керенский? И опять в мозгу всплыли строки бессмертного Фирдоуси из его «Шахнаме»:

Так ярко на небе сияла луна

Но солнце взошло, и погасла она.

Всегда после тьмы наступает рассвет.

И только прекрасней кажется свет.

Но он колебался, ещё ничего твёрдо не решив.

Утром, 7 августа, от него поступило распоряжение о выводе с Румынского фронта Третьего конного корпуса и Кавказской туземной дивизии, и разместить их в районе Невель – Великих Лук. От Невеля прямой путь по железной дороге на Петербург, с Великих Лук на Москву, но и Рига не исключена. Вопрос в том, где они больше понадобятся. До Риги около трёхсот вёрст, до Петрограда – пятьсот, до Москвы чуть больше четырёхсот. Но не в расстоянии дело, о чём начальник штаба Корнилова генерал Лукомский не преминул сообщить Керенскому.

5

На следующий день, 8 августа, Савинков стал настаивать, что бы Керенский подписал записку Корнилова и представил её Временному правительству.

– Я никогда, ни при каких обстоятельствах, Борис Викторович, не подпишу эту записку, – упорствовал Керенский.

Он стоял, опираясь кулаками на стол, и из-под лобья смотрел на своего заместителя по военным и морским делам.

– Но почему, Александр Фёдорович?

– Вы хотите, что бы я собственноручно дал добро на установление диктатуры Корнилова? Вот здесь написано: «Введение на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений, преимущественно военных». И что это, по-вашему, как не установление диктатуры?

– Мы собираемся наводить порядок в России или ну его на фиг?

– Что за выражения, Борис Викторович? Собираемся, но не такими методами!

– А какими?

– Демократическими.

– Если не будет кнута – пряник не поможет!

– Тиранию мы не допустим!

– Тогда я подаю в отставку, Александр Фёдорович!

– Не имею ничего против, Борис Викторович!

Савинков по-военному развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

Керенский смотрел ему вслед и думал, что предложение Корнилова правильное, что так и надо действовать, но Советы не одобряют, а воспримут как наступление на завоевания февральской революции. А это может стоить ему кресла министра-председателя.

Керенский был прав – Советы меньшевиков и эсеров были против любой диктатуры. В результате они дождались диктатуры пролетариата, в лице его передового авангарда – Российской Социал-Демократической Рабочей партии (большевиков).

Утром, 9 августа, Савинков связался по прямому проводу с Корниловым и предложил ему немедленно прибыть в Петроград.

– Я вам докладывал, что положение на фронтах сложное, и я бы предпочёл остаться в Ставке, – возразил Корнилов.

Положение на фронтах действительно было сложное, но причина отказа была не в этом. Доброжелатели уже успели нашептать Корнилову, что вагонетка со шпалами была не просто так: а если это неудавшееся покушение? И что дыма без огня не бывает, если говорят, что снимут с должности, то снимут и снимут именно в Петрограде. А могут после, и

убить там же. Корнилов был храбрый человек и смерти не боялся, но хотя бы знать: откуда пуля прилетит!

– Лавр Георгиевич, если тыла не будет, то армию ничего не спасёт. Порядок в стране наводить надо, а Керенский осторожничает. Надо, что бы надавили на него своим авторитетом.

Главкомандующий нехотя согласился и в тот же вечер уехал.

Телеграмма от Керенского, сообщавшая, что правительство не видит необходимости присутствие в столице верховного главнокомандующего, его в Ставке не застала.

Утром 10 августа по улицам Петрограда в направлении Зимнего дворца двигался открытый легковой автомобиль с вооружёнными текинцами, далее закрытый автомобиль с главнокомандующим и свитой, а замыкал колонну грузовик с пулемётами. У Зимнего дворца текинцы как в бою заняли вестибюль, и установили два пулемёта и только потом во дворец вошёл сам главнокомандующий в сопровождении охраны.

Керенский встретил Корнилова холодно и прямо с порога заявил, что он лично не приглашал главнокомандующего и, поэтому, не ожидал его увидеть здесь.

– Но если вы уже всё равно здесь, Лавр Георгиевич, то в 6 часов вечера состоится заседание правительства, где вы можете изложить свои предложения по реорганизации армии.

Корнилов уехал на Мойку к Савинкову. Там главнокоман-

дующий ознакомился с переработанным вариантом своей записки.

– И что вы думаете по этому поводу, Юрий Николаевич? – обратился он к генерал-квартирмейстеру Плющик-Плющевскому, первому автору этой записки.

– Здесь не хватает главного, господа... пардон... товарищи, нет мер, способствующих повышению власти командиров. Не будет этих мер, воинские начальники просто-напросто не смогут командовать. Сознание солдатами своего долга перед родиной, революционное сознание это, конечно, хорошо, но должен присутствовать и страх наказания.

– Я согласен: армия всегда держалась на дисциплине ещё со времён Древней Греции и Рима, – сказал Корнилов.

– Лавр Георгиевич, – взмолился Филоненко, – вы подпишите этот вариант. А в процессе обсуждения, ознакомьте правительство с первым вариантом. Всё на словах им объясните.

– Зачем же такие сложности, Максимилиан Максимилианович? Проще сразу показать первый вариант.

– Вы солдат, Лавр Георгиевич, прямой и честный, – ответил Филоненко, – а здесь политика. А политика – дело тонкое! Где-то надо уступить в мелочи, что бы сохранить главное, а где-то надо так подстроить, что бы оппоненту казалось, что это не ваше решение, а его. Главное – добиться требуемого результата.

После нескольких часов уговоров Корнилов согласился

подписать переделанный вариант записки.

К 6 часам вечера все отправились в Зимний дворец. Но оказалось, что заседание правительства Керенский отменил, решив обсудить записку в узком кругу. В этот круг он пригласил министра иностранных дел Терещенко и министра финансов Некрасова. А Савинкова на совещание не пустили.

– Вы в отставке, Борис Викторович, – крикнул ему Керенский из глубины кабинета.

Савинков был искренне удивлён: он не писал заявление об отставке, а значить, соответственно, Керенский его и не подписал.

М.И. Терещенко

Н.В. Некрасов

Генерал Плющик-Плющевский зачитал текст записки, составленный Филоненко. Керенский молчал, а Некрасов, как бывший инженер-путеец очень возмущался. Ему не понравилось предложенная милитаризация железных дорог.

– Это может привести к развалу транспортной системы и забастовкам путейских рабочих, – сказал он и потом долго и обстоятельно объяснял почему.

Корнилову сложно было, что-либо возразить, поскольку он сам только недавно ознакомился с этим разделом записки и не успел ещё выработать своё мнение о нём.

Предложения о промышленности и транспорте были жёстко раскритикованы, зато военные меры были встречены благосклонно и Корнилову пообещали, что изучит первоначальный вариант записки. С чем Корнилов и отбыл в Могилёв.

Утром 11 августа Савинков принёс Керенскому прошение о своей отставке. Министра-председателя это никак не устроило.

– Вы – террорист, Борис Викторович. Ленин, но с другой стороны! Вы намереваетесь меня убить. Вы выходите из правительства? Ну, что же, теперь вам открываются огромные возможности для независимой политической деятельности. Мы с вами будем соперники.

– Нет, Александр Фёдорович, я уж лучше добровольцем на фронт.

– Ну, конечно! Будущий русский Бонапарт должен сначала заработать воинскую славу.

– Откуда такие фантазии?

– Фантазии? А где вы были сегодня ночью? Корнилова провожали? И что вы ему обещали? Слушаете своего Филоненко, он вам и нащёптывает всякое. Слушайте, слушайте – Наполеоном станете! Терпеть его не могу! Против меня замышляете! Избавьтесь от него!

– Зачем? У меня своя голова на плечах, почему я должен кого-то слушать? А Филоненко человек дельный и расторопный, зачем мне от него избавляться?

Керенский слушал и что-то черкал на листке бумаги, оторвался от своего занятия и показал две большие буквы «КС».

– Вы этого добиваетесь, Борис Викторович? – спросил он и показал буквы.

Не дожидаясь ответа, Керенский перечеркнул косым крестом буквы и сказал:

– Не будет этого! Не будет ни Корнилова, ни Савинкова!

Он перевернул лист и нарисовал на обороте огромную букву «К».

– Будет только Керенский.

Договариваться стало больше не о чем, Савинков ушёл.

Для Керенского утро только начиналось.

Члены правительства из газет узнали, что Савинков подал в отставку, Корнилов вечером был в Зимнем дворце и ночью уехал. Возмущению не было предела: Керенский, опасаясь диктатуры, ведёт себя как диктатор.

Наиболее обиженной посчитала себя группа конституционных демократов (кадетов), входивших в правительство. Кокошкин, лидер этой группы, занимавший должность государственного контролёра в правительстве, ворвался в кабинет к Керенскому.

– Что вы себе позволяете, Александр Фёдорович? Корону на себя примеряете? Александр IV?

– Да вы что, Фёдор Фёдорович? Какая корона?

– Вы вчера отменили заседание правительства, а сами принимали Корнилова. О чём вы с ним договорились?

– Я был не один, а с Некрасовым и Терещенко. Корнилов зачитал нам текст своей записки Временному правительству.

– Вы должны немедленно ознакомить с ней правительство, а иначе фракция кадетов в правительстве, мы, все четверо, подаём в отставку!

Ссориться с крупнейшей правой партией в планы министра-председателя не входило, и он сказал спокойным голосом:

– Разумеется, ознакомлю. Должен я был всё обдумать, составить своё мнение, прежде чем представить её Временному правительству? Мы с вами юристы, Фёдор Фёдорович, мы не можем и не имеем права всё решать с кавалерийского наскока. Сегодня вечером правительство ознакомиться с этой запиской.

Керенский был зажат между эсеро-меньшевистским Советом (будучи сам эсером, став членом этой партии не так давно), кадетами и союзниками. Эсеры – самая большая левая партия в России в случае чего легко могли вывести на улицы Петрограда возмущённые, революционно настроенные народные массы. Кадеты поддерживались буржуазией, это была её партия, а это – деньги. Они могли их дать, а могли и не дать. У союзников бывшего царского правительства тоже были деньги, и они были заинтересованы в продолжение войны и прямо это требовали. А как воевать с разложившейся армией? У союзников, если что пойдёт не так, можно бу-

дет укрыться и, поэтому приходилось соглашаться с их требованиями. Да и Савинкова он не мог прогнать в стан своих врагов.

Вечером, как и было объявлено, состоялось заседание Временного правительства. Зачитали первый вариант записки Корнилова. Керенский дал краткое пояснение, по поводу смертной казни в тылу, он сказал:

– По сути, всё верно. Саботаж в тылу – это преступление, это пособничество врагу. Но обстановка в стране накалена и вводить её сразу преждевременно. Завтра откроется в Москве Государственное совещание, которое, я надеюсь, разрешит все противоречия и сплотит партии. И после этого, когда подтвердятся наши полномочия, можно вернуться к вопросу о смертной казни в тылу в частности и о поставленных Корниловым вопросах, вообще.

В это время в Могилёве Корнилов рассказывал Лукомскому о результатах своей поездки в столицу:

– Алексеев абсолютно правильно называет Керенского болтуном всея России. Говорит много, обещает ещё больше, только ничего не делает. Выжидает что-то. Хитрец из хитрецов. Того и гляди сам себя обхитрит. А время болтовни прошло. Контрразведка мне докладывает, что в конце августа большевики готовятся захватить власть.

– Но их мало. Это не самая популярная партия в России.

– Горстка храбрецов вполне способна опрокинуть полк, если они сплочены в едином порыве. России не везло с правителями. Царь-батюшка был мягок и не решителен. Керенский болтлив и столь же не решителен. А большевики, как я понимаю, собраны в кулак и подкреплены немецкими деньгами и не побоятся пролить кровь. А на удар лучше всего ответить ударом. Если выступление большевиков состоится, то я расправлюсь с предателями Родины как следует! Керенский не хочет, что бы я ехал в Москву на совещание. А я поеду и, надеюсь, чего-нибудь добьюсь.

Корнилов не верил Керенскому, Савинков тоже не верил Керенскому. Керенский не верил ни Савинкову, ни Корнилову.

Керенский, говоря современным языком, был не легитимным правителем. Его никто не выбирал. Впрочем, и Временное правительство тоже никто не избирал. Оно временно руководило страной до созыва Учредительного собрания. Вот на Учредительном собрании избранники народа и должны были решить, какой будет Россия: конституционной монархией или республикой. И какой республикой: парламентской или президентской.

Но что бы довести страну до Учредительного собрания, требовалось навести в стране порядок. А что бы навести порядок, требовалась общественная поддержка. Вот за этим Керенский и затеял это Московское совещание. Москва считалась спокойным местом и давление «улицы» там исключалось.

На собрание пригласили всех, кого было можно: бывших членов Государственной Думы всех четырёх созывов и представители Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рабочих и солдатских депутатов, представители торгово-промышленных объединений и крестьянские депутаты, научные общества и депутаты армии и флота.

Государственное совещание открылось в помещении Большого театра 12 августа 1917 года. Здание оцеплено тройным кольцом юнкеров, учащимися московских военных

училищ. Другой надёжной охраны у правительства не нашлось.

Накануне газета «Московские Ведомости» писала:

« В помещении Государственного Большого театра в Москве открывается всероссийское совещание, созванное по инициативе Временного Правительства. Нам уже пришлось высказываться, что на данном совещании лежит отпечаток известного политического дилетантизма. Государственный деятель, принимая какое-нибудь важное решение, прежде всего, представляет себе с полной определённо-стью те цели и задачи, которые он желает осуществить в своём действии.

Но, положив руку на сердце, никто из населения не может сказать, что именно должно дать стране Московское совещание.

Но, может быть, правительство собирается осуществить какие-либо известные ему одному задачи, пока остающиеся скрытыми для посвящённых, и Большой театр – это грандиозная коробка с сюрпризом. Тогда этому можно порадоваться. России нужно теперь только одно дело, и время, потраченное на слова, как бы хороши и красноречивы они не были, следует считать потерянным.

У нас много ораторов, но что-то не видать деятелей».

За несколько дней до этого на Моховой улице в Москве собралось «малое» совещание. Кроме представителей про-

мышленно-финансовых кругов и членов Государственной Думы всех четырёх созывов во главе с её бывшим председателем Родзянко, присутствовали известные боевые генералы: Алексеев, Брусилов, Юденич и донской атаман Каледин. После обсуждения положения в стране, приняли резолюцию. в России кризис власти, разруха в экономики и разложение армии. То есть всё очень плохо и поэтому медлить нельзя, надо действовать и надежда только на одного человека. Корнилову послали телеграмму:

«Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час великого испытания вся мыслящая Россия в Вашем великом подвиге на воссоздание армии и спасения России»

В день открытия большого совещания московские рабочие и транспортные служащие приветствовали делегатов массовой забастовкой. Делегатам от вокзалов до Большого театра пришлось добираться пешком.

Театральный зал был забит до отказа. Слева от центрального прохода, если смотреть от председательского места на сцене, были отданы представителям левых движений, справа располагались члены бывшей Государственной Думы и представители финансово-промышленных кругов, то есть делегаты правых взглядов.

На сцене появились члены правительства во главе с

Керенским, председателем собрания. За спиной министра-председателя стояли мичман Кованько и поручик Виннер.

Керенский, бледный и усталый, открыл собрание вступительной речью. Речь была путанная, порой бессвязная, полная непонятных угроз и картинных поз:

«И какие бы кто бы ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее».

Впечатление глава правительства произвёл удручающие. Стало ясно, что он и всё Временное правительство обречено на поражение, опереться, по большому счёту, им не на кого. Власть есть, а силы у этой власти нет. Весь вопрос был в том, в чьих руках в будущем окажется власть и сила?

В перерыве Керенскому пришла записка от неизвестного. В ней говорилось: *«По уставу, парные часовые возможно только у гроба главы правительства. Это репетиция?»*

Керенский прочёл и побледнел ещё больше. Мичман и поручик после этого всё дальнейшее совещание скромно просидели в уголке сцены.

Последующих ораторов собрание слушало уже не внимательно. Ждали приезда Корнилова. Что он скажет?

Корнилов приехал в Москву 13 августа. В этот день на совещании пленарных заседаний не было. Делегации обсуждали доклад Керенского. А сам министр-председатель принимал парад войск московского гарнизона.

Встреча Верховного главнокомандующего была обставлена излишне театрально. Сам Корнилов говорил потом: «Это какое-то сплошное сумасшествие!» Почётный караул из юнкеров Александровского училища, дамы в светлых нарядах бросали цветы к ногам генерала, восторженные крики, корреспонденты, фотографы. Наконец, офицеры подняли Корнилова на руки и вынесли на привокзальную площадь. Главковерх к такому не привык и был крайне смущён.

Собрался как бы импровизированный митинг.

– Вы символ нашего единства! Вы наша надежда! Мы верим, что именно вы во главе обновлённой армии поведёте России к победе над врагом! Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас!

Но в толпе находились и скептики:

– Надеюсь, у генерала хватит ума не верить всему этому. Если что, его никто не поддержит, все попрячутся, – шептались они.

Весь день к Корнилову шли на приём далеко не последние люди России к невероятной досаде Керенского. Его, лидера революции стали позабывать. Ещё по дороге в Москву министр-председатель направил к Корнилову министра путей сообщения Юренева с просьбой: ограничится в своей речи только армией и её проблемами.

Регламентом проведения Московского совещания заведовал министр почт и телеграфов меньшевик Никитин. Полковнику Пронину, присланному Корниловым уточнить вре-

мя своего выступления, он сообщил:

– В последний день совещания выступают только представители общественных организаций. От какой организации будет выступать генерал Корнилов?

Эта колкость разозлила Корнилова, и он решил, что, во что бы то ни стало, будет выступать на совещании.

В 11 часов вечера позвонил Керенский и сообщил, что время для речи главковерха будет предоставлено и ещё раз уже лично попросил генерала не касаться политических вопросов.

– Я буду говорить то, что сочту нужным, – резко и холодно ответил Корнилов министру-председателю.

Взаимная неприязнь двух лидеров стало непреодолимой.

Корнилов появился в Большом театре в двенадцатом часу. Его появление было встречено бурными овациями правой половины зала. Левая половина сосредоточенно молчала. Корнилов тут же, через адъютанта был вызван к Керенскому.

– Лавр Георгиевич, ещё раз настоятельно прошу не вносить раскол в наши ряды. Положение архисложное. Только единство спасёт Россию. Все наши с вами разногласия мы решим в Петрограде, так сказать, в рабочем порядке.

Керенский говорил ещё что-то очень убедительное. Корнилов не слушал, он смотрел на министра-председателя, и ему его было жалко. Понятно, что у правительства вообще и у Керенского в частности положение более чем шаткое. Да,

наверное, лучше не усугублять положение, не радовать врагов России.

– Хорошо, Александр Фёдорович, политические вопросы затрагивать не буду, – с неохотой всё же пообещал Корнилов.

Около двенадцати часов на сцене Большого театра появилось правительство во главе с Керенским.

Левая часть зала рукоплескала им и криками бурно выражала свои эмоции. Правая часть зала молчала.

Корнилов выступал пятым. При его появлении зал встал, аплодируя главнокомандующему. Но в левой части зала группа солдат в небрежных позах, развалиясь в креслах и мусоля папироски в зубах даже не пошевелилась. Справа раздались возгласы: «Позор!» «Встать!» Солдаты презрительно улыбались. Возмущение правой стороны нарастало, левая сторона вступилась за своих. Шум стоял невообразимый.

Керенский неистово звонил в председательский колокольчик. Шум постепенно стихал, Керенский прокричал в зал:

– Предлагаю собравшимся сохранять спокойствие и выслушать первого солдата с должествующим ему почтением и уважением к правительству.

Публика успокоилась, Корнилов начал читать свою речь.

– Как Верховный Главнокомандующий я приветствую Временное правительство, приветствую все Государственное совещание от лица Действующих Армий. Я был бы счастлив добавить, что я приветствую вас от лица тех Армий, которые там, на границах, стоят твердой и непоколебимой

стеной, защищая русскую территорию, достоинство и честь России

Но с глубокой скорбью я должен добавить, и открыто заявить, что у меня нет уверенности в том, что Русская Армия исполнит без колебаний свой долг перед Родиной.

Здесь он красноречиво посмотрел на солдат слева. Раздались крики «Позор!»

Корнилов продолжил:

– Несколько дней тому назад обозначилось наступление немцев против Риги. 56-й Сибирский стрелковый полк, столь прославленный в прежних боях, самовольно оставил свои позиции и, побросав оружие и снаряжение, бежал.

Возгласы с правой стороны зала: «Позор!»

– И только под давлением оружия, после того как по телеграфу я приказал истребить полк, он вернулся.

Возгласы справа: «Правильно!», аплодисменты.

Керенский прерывает выступление:

– Простите, генерал! Я прошу собрание выслушать те места, которые говорят о великом несчастье и страданиях нашей земли, не сопровождая их недостойными знаками внимания.

Зал недовольно загудел, Корнилов продолжил:

– Таким образом, с анархией в Армии ведется беспощадная борьба, и анархия будет подавлена, но опасность новых разгромов еще висит над страной. Армия должна быть восстановлена, во что бы то ни стало, ибо без восстановленной

Армии нет свободной России, нет спасения Родины!

Тем, кто целью своих стремлений поставил борьбу за мир, я должен напомнить, что при таком состоянии Армии, в котором она находится теперь, если бы даже, к великому позору страны, возможно было заключить мир, то мир не может быть достигнут, так как не может быть осуществлена связанная с ним демобилизация, ибо недисциплинированная толпа разгромит беспорядочным потоком свою же страну.

Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский корпус, доблестно сражавшийся за все время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным ее делу и теперь, должен быть вознагражден нравственно за все понесенные им не по его вине унижения и за систематические издевательства.

Корнилов говорил, зал слушал и понимал правоту генерала. Слушал, но воспринимал по-разному. Если правая сторона зала с надеждой, то левая – с досадой. Было ясно, что если Корнилов наведёт в стране порядок железной рукой, то о революции и справедливой жизни для всех можно будет забыть на долгие годы.

– Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и я верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособность нашей Армии, ее былая слава будут восстановлены.

Но я заявляю, что времени терять нельзя ни одной минуты. **НУЖНА РЕШИМОСТЬ И ТВЕРДОЕ, НЕПРЕКЛОН-**

НОЕ ПРОВЕДЕНИЕ НАМЕЧЕННЫХ МЕР!

Зал, правая сторона, проводил Корнилова аплодисментами. Говорил Корнилов, конечно, всё правильно, но кто это всё будет исполнять, проводить в жизнь, не сказал ни слова. Чувствовалось лёгкое разочарование от речи верховного главнокомандующего.

Но донской атаман Каледин, выступивший после Корнилова решительно, по-казачьи потребовал от правительства упразднить Советы и комитеты, восстановить в армии дисциплину.

– В грозный час испытаний на фронте и внутреннего развала страны, нас может спасти от окончательной гибели, – говорил он, – только действительно твёрдая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы.

Это уже был явный намёк на Корнилова. Правая часть зала взорвалась громом аплодисментов, а левая возмущёнными криками и свистом.

Дальше выступало много ораторов, наконец, ближе к полуночи этот поток иссяк. Совещание закончилось, пора подводить итоги. Слово взял министр-председатель.

– Я минут на десять, – сообщил он, но увлёкся, речь затянулась надолго.

Заключительная речь получалась всё более и более эмо-

ционально, Керенский уже мало и сам понимал, о чём он вещал. Но заявил, что правительство не поддастся давлению ни слева, ни справа.

– Пусть будет то, что будет, – кричал он. – Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу!.. Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, и буду думать только о государстве!

С галёрки, где находилась любопытствующая публика, испуганный женский голос воскликнул: «Не надо!» Зал, правая и левая части, заулыбались.

Керенский закончил речь и обессиленный свалился в своё кресло.

Совещание окончилось, люди стали расходиться.

Всё задуманное Керенским провалилось, ни какой поддержки он не получил. Страна жаждала твёрдую руку, и это был не Керенский.

Несколько дней по окончании Московского совещания в российском обществе, в правой его части, кипели страсти. Кричали, разговаривали, спорили и делали вывод, что Корнилова поддержат с удовольствием, если он одержит победу над правительством. А так – нет. Корнилов же понял, что его поддерживают безоговорочно.

В Москве в свой вагон Корнилов пригласил создателей и руководителей «Общества экономического возрождения России» крупных финансистов и предпринимателей Путилова и Вышнеградского.

Корнилов приступил к делу сразу, не изворачиваясь и не лукавя, как казак:

– Я решил послать в Петроград корпус разогнать большевиков. Но разогнать мало, надо арестовать. Чтобы большевики не разбежались из Смольного и чтобы избежать уличного боя, нужно организовать внутри Петрограда выступление... Для этого потребуются средства. Нужно собрать офицеров, юнкеров. Нужны деньги, чтобы разместить людей перед выступлением, кормить. Можете ли вы мне дать деньги?

– Вот так сразу? – спросил Путилов.

– Что-то смущает? – ответил Корнилов.

– Да нет, на доброе дело денег найдём, – сказал Вышнеградский. – А что Керенский?

– А что Керенский? – не понял Корнилов.

– Как он относиться к вашей инициативе, генерал? – пояснил Путилов.

– У меня сложилось впечатление, что большевиков он опасается, – сказал Корнилов. – Какие у него могут быть возражения?

– Да, это верно, – сказал Путилов. – Только не мы одни распоряжаемся деньгами. Но, думаю, с этим проблем не будет и ваши посланцы, генерал, могут в Петрограде зайти за деньгами.

– Куда именно, сообщим дополнительно, – сказал Вышеградский.

Почти весь год в офицерской среде, да и не только в ней, тлели заговоры. Там, где собирались больше двух человек и шли разговоры о будущем России, участники считали себя заговорщиками.

В августе 1917 это усилилось. Нашлось знамя контрреволюции – генерал Корнилов. И все как-то инстинктивно боялись большевиков. Сравнительно не большая фракция партии социал-демократов, по сравнению с миллионной партией социал-революционеров внушала опасения. Большевики не только говорили, они ещё и действовали. И этой силе надо что-то противопоставить. Но кроме разговоров противопоставить было не чего. И все дружно надеялись на Корнилова, вольно или не вольно, подталкивали его к решитель-

ным действиям. А в чём должны были заключаться эти решительные действия главнокомандующий и сам не знал. Ни какого плана по установлению военной диктатуры у него не было. Но все думали, что есть, не может не быть.

Ждали выступление большевиков с целью захвата власти в конце августа начало сентября. Газета «Русское слово» 19 августа писала:

«По имеющимся в распоряжении правительства сведениям, большевики готовятся к вооруженному выступлению между 1 и 5 сентября. В военном министерстве к предстоящему выступлению относятся весьма серьезно. Ленинцы, по слухам, мобилизуют все свои силы»

Ленин из своего убежища в Финляндии писал, что это чудовищная провокация.

В воскресенье, 20 августа, в Петрограде состоялись выборы в городскую думу. Большевики получили треть голосов. Это ещё больше подхлестнули слухи о большевицком выступлении.

Наконец случилась всеми ожидаемая трагедия – 21 августа пала Рига. О немецком наступлении, где, когда и какими силами начнётся, знали все. Солдаты на фронте митинговали: воевать или нет. Когда началось наступление, просто побежали. Командование пыталось организовать контр наступление, но армия плохо управлялась. Это обошлось России в 25 тысяч русских жизней.

Всё это вместе убеждало главнокомандующего в правиль-

ности его выводов и побуждало к действию.

Керенский с Московского совещания вернулся подавленным и совершенно разбитым. И тут же вызвал к себе Савинкова.

Савинков по-военному вытянулся в струнку, щёлкнул каблуками, кивнул головой и хмуро сказал:

– Кому прикажите сдать дела?

– Какие дела, Борис Викторович? О чём это вы?

– Вы приняли мою отставку.

– А... Вы об этом, – вяло, безразличным тоном сказал Керенский. – Кто это знает кроме нас с вами? Забудьте. Вы ничего не подавали, я ничего не принимал.

– Но как же...

– Правительство никто не поддерживает, – перебил его министр-председатель с горечью в голосе. – Московское совещание меня в этом убедило. У Временного правительства нет опоры. Опереться не на кого. Это вы, Борис Викторович, подсунули мне этого Корнилова. Теперь он уверовал в свою силу и шантажирует правительство. Это ваша ошибка, Борис Викторович, ваша. Проще всего подать в отставку, так сказать, сигануть в кусты, как у нас в народе говорят. А вот исправить её – это сложнее. Положение надо исправлять.

– Я готов продолжать работу, Александр Фёдорович, но требую полного доверия не только к себе, но и к моим людям.

– Филоненко? Бог с ним, пусть остаётся, – устало махнул рукой министр-председатель.

– А наши с вами расхождения по поводу наведения порядка? Вы обвинили меня в попытке узурпировать власть!

– Вас это обидело?

– В некотором роде.

– Забудьте. На меня нельзя обижаться. Я умер там, на совещании в Москве. Я уже никого не смогу оскорбить и меня уже ни кто и ни что не может оскорбить.

В этот же день состоялось заседание Временного правительства. В Казани 15 августа произошёл пожар на пороховом складе. Имелись человеческие жертвы и уничтожено огромное количество боеприпасов и вооружения. Савинкову поручили разобраться в этом на предмет вражеской диверсии. И ещё Савинков зачитал телеграмму от генерала Корнилова, где он требовал, наконец, начинать применять меры по наведению дисциплины в армии. Керенский не возражал: пора наводить дисциплину в армии и не только.

После Московского совещания министр-председатель был тихим и задумчивым. Его охватывало отчаянье за неудачи последнего времени. Но это скоро пройдёт, верило его окружение, и он опять будет готов к борьбе.

За два дня перед падением Риги Керенскому от Корнилова пришла телеграмма: «По имеющимся данным противник готовит десантную операцию по захвату архипелага Моозунд

и побережья Финляндии. Предлагаю объединить Северный фронт, Балтийский флот и части петроградского гарнизона в Особую армию и подчинить её непосредственно верховному командованию».

Керенский вызвал Савинкова, ознакомил с телеграммой.

– Езжайте в Ставку, Борис Викторович, – сказал Керенский. – По существу я не возражаю, против предложения генерала, но собственно Петроград должен быть выведен из состава объединения. Всё-таки это не прифронтный город. И, главное, неизвестно как к этому отнесётся Петроградский Совет.

– А если сведения о выступлении большевиков правдивы? А нам не чем им ответить.

– Можно ввести в городе военное положение. И попросить Корнилова направить сюда кавалерийский корпус. Он уже вывел два корпуса с Румынского фронта и расквартировал в Великих Луках и Невеле, – Керенский усмехнулся. – Только не Кавказскую туземную дивизию и во главе корпуса не ставить генерала Крымова. Кстати о Крымове. Организация «Союз офицеров» должна быть выведена из Могилёва.

– Как?

– Как угодно. На то ваша воля, Борис Викторович. Я боюсь, что «Союз офицеров» подталкивает Корнилова к неосмотрительным действиям. Вы меня поняли.

– Понял.

Савинков намеревался немедленно выехать в Ставку, о

чём уведомил главнокомандующего, но Корнилов возразил, что в связи с наступлением германцев на Ригу, не до заместителя военного министра. Поездку отложили до 23 августа.

И в этот день Савинков в сопровождении полковника Барановского прибыл в ставку Корнилова. Предварительная встреча состоялась с глазу на глаз.

– Опубликование ваших требований, проводимое через Временное правительство, – начал Савинков, – конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если бы последние почему-либо задержались. Хотя в нашем распоряжении достаточно войск, но на них мы полностью рассчитывать не можем, тем более что еще неизвестно, как к новому закону отнесутся Советы рабочих и солдатских депутатов. Последние также могут оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Временного правительства. В случае если кроме большевиков выступят и члены Советов рабочих и солдатских депутатов, нам придется действовать против них.

– Я, собственно этого и добивался, – сказал Корнилов.

– Да, и Керенский считает, что «Союз офицеров» не должен находиться при Ставке.

– Они мне не мешают.

– Но лучше будет, если он будет находиться в Москве.

– Да пожалуйста. Только не в этом дело. Я должен вам сказать, что Керенскому и Временному правительству я больше не верю. Во Временном правительстве состояли членами такие люди, как Чернов – министр земледелия, у которого, как вы говорили, есть друзья немцы. И такой министр внутренних дел, как эсер Авксентьев. Стать на путь твердой власти – единственный спасительный для страны – Временное правительство не в силах. За каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории. Это – позор. Что касается Керенского, то он не только слаб и нерешителен, но и неискренен. Меня он незаслуженно оскорбил на Московском совещании...

– Сейчас, когда отечество в опасности, не до личных обид, Лавр Георгиевич. И строить козни за спиной Керенского я не намерен. Александр Фёдорович признанный вождь революции.

– Согласен с вами, Борис Викторович. Правительство должен возглавлять Керенский, но Керенский нерешителен. Он колеблется, он обещает, но не исполняет обещаний.

– Александр Фёдорович очень надеялся получить поддержку на Московском совещании. И не получил её, как вы знаете. Он очень расстроен. Это выбило его из седла. Но он соберётся, уверяю вас.

– Правительство надо менять. Там слишком много левых, включая самого Керенского. Он в своих решениях оглядывается на них, а это вредит делу.

– Вы хотите сказать, Лавр Георгиевич, что члены правительства слишком подвержены влиянию Совету рабочих и солдатских депутатов?

– Да. Советы не могут оборонять страну или, что ещё хуже, не хотят.

– Поменять их не так просто. У нас нынче демократия, – Савинков усмехнулся. – Но в будущем – почему нет?

Корнилов посмотрел на Савинкова и тяжело вздохнул.

– Я уверяю вас, Лавр Георгиевич, что Керенский в ближайшее время подпишет закон о мерах наведения порядка на фронте и в тылу. Я приложу к этому максимум усилий.

– Я вам верю, Борис Викторович, но я не верю в твёрдость Керенского.

План Савинкова медленно, но верно начинал претворяться в жизнь. Ни Корнилов, ни Керенский без него обойтись не смогут.

На вечернюю встречу Савинков пришёл с Филоненко, а рядом с Корниловым был генерал Лукомский.

Савинков ещё раз изложил просьбу Керенского и добавил:

– Александр Фёдорович просит не посылать Кавказскую туземную дивизию. Неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам.

– Почему? Разве они, не подданные Российской империи? – удивился Корнилов. – Или Российской республики, не знаю, как Россия сейчас называется.

– Керенский на этом настаивал.

– Настаивал? Попробую, ладно, хотя и считаю, что это глупо.

– И ещё. Я надеюсь, Лавр Георгиевич, что назначенный вами начальник отряда сумеет решительно и беспощадно расправиться с большевиками и с Советом рабочих и солдатских депутатов, если последний поддержит большевиков. Но командовать дивизией не должен генерал Крымов.

– А это-то почему?

– Вы знаете его репутацию. Это может вызвать раздражение в левых кругах.

– Да, но именно их мы и собираемся подавлять!

– Не совсем. Эсеров мы не трогаем. Вы, наверное, забыли, что я сам являюсь членом партии социалистов-революционеров, и Александр Фёдорович тоже к ним принадлежит с недавнего времени.

– Да, действительно, забыл. Ну и кого мне назначить?

– Краснова, например.

– Хорошо, но Пётр Николаевич пока приедет... Попробую, но...

– Но вот и отлично, – обрадовался Савинков. – Осталось на карте размежевать границы Особой армии.

Были приглашены генерал Романовский и полковник Барановский.

– Петроград мы выделяем в особую зону, а Временное правительство сумеет самостоятельно навести порядок? – засомневался Романовский.

– В городе будет введено военное положение, – ответил Савинков.

– И какие же войска будут в городе и кому подчиняться?

– Это ещё решим, – ушёл от ответа Савинков.

– Финляндская группа войск тоже войдёт в Особую армию? – влез в разговор Барановский.

– Разумеется, – ответил Корнилов.

– А кому будет подчиняться петроградский железнодорожный узел, мы не знаем. И как будет осуществляться связь с данной группой?

Все посмотрели на шурина Керенского с удивлением, а Савинков подумал, что Барановский, наверное, сам не против командовать гарнизоном Петрограда.

– Я тоже в этом сомневался, Борис Викторович, – сказал Корнилов.

– Всё уже решили, – недовольно произнёс Савинков, – зачем ещё раз поднимать этот вопрос?

На следующий день состоялось совещание представителей армейских комитетов и фронтовых комиссаров. На нём был отклонён проект положения о новом статусе комитетов и комиссаров, где их функции сводились лишь только к хозяйственной и культурной деятельности. Постановили ничего не менять.

– А вот это я никогда не подпишу! – вспыхнул Корнилов. – В армии, как и на корабле должен быть один коман-

дир! Один! Он должен отвечать за всё! В боевой обстановки он не должен терять время на споры с комиссаром!

Корнилов решительно встал и вышел из помещения. Комиссары растерянно смотрели на закрытую дверь.

– А это пахнет заговором и контрреволюцией, – сказал комиссар 8 армии Вязьягольский.

Савинков покидал Могилёв, Корнилов его провожал.

– Как вы всё-таки относитесь к Временному правительству, Лавр Георгиевич?

– Я буду всемерно поддерживать Александра Фёдоровича. Это нужно на благо отечества. Передайте это ему. Пусть ни в чём не сомневается.

Для Савинкова всё складывалось как нельзя лучше. В дороге к нему подсел комиссар Вязьягольский и сообщил о заговоре против правительства, что зреет в Ставке. Савинков отвечал уклончиво. Заговор против правительства его не интересовал, его интересовал складывающийся в будущем триумvirат: Керенский, Корнилов, Савинков.

А.С. Лукомский

Корнилов пригласил к себе Лукомского, Крымова, Завойко и Аладьина. В Ставке были уверены, что Аладьин, десять лет, проживший в Англии и носивший погоны лейтенанта английской армии, в сущности, шпион этой самой армии. Что ж, пусть союзники знают, что происходит в Ставке русской армии.

Корнилов радостно сообщил, что дальнейшие действия согласованы с Временным правительством и никаких препятствий, быть не должно.

– Всё складывается хорошо, – констатировал он.

– Даже слишком хорошо, – хмуро сказал Лукомский, – так хорошо, что даже не по себе становиться.

– Не надо быть таким мнительным, Александр Сергеевич, – весело ему ответил Корнилов.

– А почему они не хотят, что бы корпусом командовал Александр Михайлович? – Лукомский кивнул на Крымова.

– Савинков боится, что Александр Михайлович слишком решительный и может повесить лишних 20-30 человек.

– Лишних вешать не буду, – мрачно пообещал Крымов.

Генерал Крымов человек упитанный, если не сказать – тучный. Обычно люди с такой комплекцией флегматичны и малоподвижны. Но Крымов кипел энергией. Его любя прозвали «Бешеный слон». Глядя на него, Корнилов говорил: «Бедные лошади, как они его выносят? По опыту моей жизни, господа, Крымову лучше всего ездить на верблюде».

8

Владимир Николаевич Львов входил в состав первого Временного правительства под началом его однофамильца Георгия Евгеньевича Львова. Он занимал должность обер-прокурора Святейшего синода, так как был известен как крупный специалист по делам Русской церкви. Свою работу на этом поприще он быстро превратил в ад для архиереев русской церкви. Больше мешал, чем помогал в работе Предсоборного совета.

Владимир Николаевич был человеком не далёкого ума, но сам себя считал прозорливым и хитрым. Он никогда не доводил начатое дело до конца. Начал одно, потом увлеклся другим, бросив первое. Окружающие считали его человеком безобидным, но страшным путаником. Всё, что можно перепутать, а за одно, что и нельзя, он обязательно перепутает.

В.Н. Львов

В новое Временное правительство в июле 1917 года Керенский его не включил. Львов не то, что бы обиделся, а впал в бешенство. Он всем и каждому, на каждом углу кричал:

– Керенский теперь мой смертельный враг!

Многим он казался не вменяемым и действительно «одержим дьяволом», как утверждали архиереи церкви.

Но через некоторое время настроение у него переменялась на противоположенное. Теперь он опять на каждом углу всем и каждому доказывал, что министр-председатель его

друг, и даже больше: его старший друг, хотя Керенский был его младше на девять лет.

В результате о нём не забыли и пригласили на Московское совещание.

Иногда складывается впечатление, что высшие силы ведут человека по определённом маршруту к цели, известной только им.

Надо же было так случиться, что в Москве, в гостинице «Националь» Львов встретил своего знакомого некоего Добрынского, такого же пустобрёха.

– А вы знаете, Владимир Николаевич, – сказал он Львову, – только что вернулся из Могилёва. Из Ставки.

Добрынский многозначительно посмотрел на Львова и продолжил:

– С одного совещания на другое. Но там секретное. Да, секретное.

Добрынский действительно был в Могилёве по своим делам. По дороге он познакомился с Аладьиным. И каково же было удивление, что Аладьина встречали и препроводили в Ставку. Добрынский страшно завидовал: «За что людям такое счастье?» Его никуда не приглашали, с ним никто не советовался, но так хотелось. Ведь время царедворцев кончилось. Не так ли? Демократия! А разве он, Добрынский не народ?

– Вам, милейший Владимир Николаевич, я могу рассказать, но под большим секретом, потому что вы человек чест-

ный и порядочный. Поклянитесь, что вы никому не расскажите.

– Клянусь. Даю честное слово дворянина.

– Решили, там... – Добрынинский перешёл на шёпот, – объявить Корнилова диктатором. Над Россией нависла большевистская угроза. А за большевиками знаете, кто стоит? Немцы! И ваш Керенский ничего сделать не может! Или не хочет! В Ставке его все ненавидят!

Добрынский вспомнил, как в ресторане, в Могилёве, где он обедал, подвыпившие офицеры костерили Керенского. Понятное дело: что у пьяного на языке, то у трезвого ...

– Его хотят убить. Да, Владимир Николаевич, убить, как не печально это звучит. Пригласят в Могилёв и убьют. В лучшем случаи – арестуют. Но я, правда, упросил Корнилова повременить с этим. Я, знаете ли, имею кое-какое влияние. Но, я здесь, а плохие советчики у Корнилова там, в Могилёве. Тот же Аладьин. Он же английский шпион. Это все знают, – доверительно сообщил Добрынский, – а иначе зачем он носит английский мундир?

Львов побледнел, лихорадочно теребил бороду. Что же делать?

– Что же делать? – спросил Львов.

– Ждать, – снисходительно сказал Добрынский. – А Керенскому я бы посоветовал взять, в конце концов, власть в свои руки и самому стать диктатором! Окружить себя надёжными советниками, нас с вами, на пример. Вы же ему пло-

хого не посоветуете?

– Разумеется.

– Ну вот.

В голове у Львова сразу же закружились различные планы и проекты. Как хорошо бы было стать советником при диктаторе Керенском. И тут же пришло решение: ехать в Петроград.

И вот 22 августа Львов в Зимнем дворце на приёме у Керенского. Министр-председатель ещё не отошёл полностью от шока, вызванным Московским совещанием, министров-то не очень и принимал, а Львова почему-то принял. Возможно, ему захотелось услышать лесть в свой адрес и немного отойти от впечатлений Московского совещания.

После взаимных приветствий Львов сразу перешёл к делу, Керенский заметил, что он очень волнуется и насторожился.

– Я к вам, милейший Александр Фёдорович, по поручению.

– От кого? – недоверчиво, но с интересом спросил Керенский.

– Этого я не могу вам сказать. Пока. Но я же ваш друг, Александр Фёдорович, неужели вы мне не доверяете? Если я пришёл, значить всё серьёзно. Просто так не пришёл бы, поверте. Я не решился бы отрывать от государственных дел такого великого человека, как вы, Александр Фёдорович.

«Кто, интересно, прислал этого дурака?» – подумал Керенский, а вслух сказал:

– Что ж, я вас слушаю, Владимир Николаевич.

– На кого вы намерены опрестя в своей борьбе, Александр Фёдорович? Петроградский Совет против вас. Он насквозь большевицкий, и все его постановления против вас.

– Мы игнорируем все эти постановления. Мы народное правительство, мы опираемся на народ.

– Да, негодование на Совет растёт и может выразиться в резне.

– Ну и отлично! – обрадовался Керенский, вскочил с кресла и заходил по кабинету. – Народный гнев! Мы тогда снимем с себя всякую ответственность! – Керенский правой рукой изобразил красивый жест. – Наша вина будет лишь в том, что мы не смогли сдержать общественное негодование. Если нашему народу надоела это двоевластие, то мы умываем руки!

– Но первая кровь может быть ваша, Александр Фёдорович.

Керенский остановился и заметно побледнел:

– Моя? Что вы имеете в виду, Владимир Николаевич?

– Во всём, что происходит в стране, обвиняют вас. Стране нужен порядок. И вся надежда только на вас, милейший Александр Фёдорович. Но, к сожалению, не все так считают.

«Они, что предлагают мне стать диктатором?» – думал Керенский. – «От кого, всё-таки, он послан?»

– И что вы мне предлагаете, Владимир Николаевич?

– Порвите с Советом!

– Вы хотите, что бы я предал революцию?

– Нет. Я желаю, что бы вы подумали о России. Мы желаем!

– И кто же это мы? – улыбнулся Керенский. – Союз георгиевских кавалеров?

– Патриоты России, общественные деятели.

– Общественные деятели бывают разными.

– Это, во-первых, конституционно-демократическая партия, во-вторых, торгово-промышленники, в-третьих, это казачество, в-четвёртых, армия, верная вам, и, наконец, союз офицеров и многие другие.

– Я не могу понять, Владимир Николаевич, кого вы представляете и что вы от меня хотите?

– Протяните руку тем, которых вы от себя отталкиваете.

– Я не совсем понимаю вашу мысль.

– Могу ли я начать переговоры от вашего имени с теми, с кем сочту необходимым?

– Я не знаю, от кого вы посланы. Они вам, наверное, делегировали некие полномочия.

– Разумеется.

– Вот в рамках этих полномочий и действуйте. А я вам ничего поручить не смогу.

– При следующей встрече, я вам сообщу, от кого я послан.

– До свидания, Владимир Николаевич.

– До встречи, милейший Александр Фёдорович.

Львов этим же вечером уехал в Москву, где встретился со своим старшим братом.

– Коля, – заявил он ему, – меня вызывал к себе Керенский. Я только что из Петербурга. Из Петрограда. Александр Фёдорович решил, что для борьбы с большевиками нужно опереться на общественных деятелей правого толка. И создать новый кабинет правительства он поручил мне. Я надеюсь на твою помощь, на твои связи и твой вес в торгово-промышленных кругах. Всё-таки тыходишь в руководство Торгово-промышленного союза.

Львов-старший решил, что кто-то из двоих сошёл с ума: или Керенский или его несчастный младший брат. Скорее всего, младший брат.

Вечером в гостиницу, где проживал Львов, зашли Добрынский и Аладьин. Владимир Николаевич встретил их в приподнятом настроении духа.

– Ну-с, друзья мои, всё складывается как нельзя лучше. Моя миссия у Керенского прошла успешно. Александр Фёдорович согласен изменить состав правительства. И, при необходимости, даже уступить своё место министра-председателя тому же Корнилову.

– Ну, слава Богу, – вздохнул Аладьин, – мы можем избежать крови.

Аладьин недавно вернулся из-за границы и толком не знал, что представляет собой Владимир Николаевич Львов.

– Да, и всё благодаря мне, а вы не верили.

– Хорошо, что Керенский уступит своё место, – сказал Добрынский, – и, может быть, его не убьют.

– Это вы к чему? – спросил Львов.

– В Ставке склоняются к военной диктатуре и многие настаивают пустить Керенского в расход, а может быть, ещё и Савинкова.

– Откуда такие сведения? – насторожился Аладьин.

– Из надёжных источников, Алексей Фёдорович, из надёжных, – сказал Добрынский и победоносно посмотрел на своих собеседников.

– Я немедленно еду в Могилёв, – сказал Владимир Николаевич.

– Я с вами, – поспешно сообщил Добрынский.

На следующий день, 24 августа, генерал-майор Половцев, командующий войсками Петроградского военного округа, видел Львова и Добрынского на перроне в Могилёве, но не предал этому ни какого значения: мало ли зачем люди приезжают сюда. Могилёв фактически стал второй столицей России.

С вокзала приятели направились в гостиницу «Париж», где их ждал писатель и журналист, донской дворянин, есаул Родионов Иван Александрович.

Беседа разгорелась довольно таки бурная. Пятидесятилетний есаул сразу же стал обвинять правительство вообще и Керенского в частности.

– Царя слабого, безвольного свергли. Нет, правительство получили себе такое же во главе с болтуном всея России!

За что России такое наказание? Он дожждётся: его большевики пристрелят. Они ребята серьёзные, они болтать не будут! Ленин у них фанатик, он своего добьётся. Умный, расчётливый и твёрдый как камень, этот Ленин.

– Говорят, что он трусливый, – сказал Добрынский.

– Кто? Ленин? Пустое, – отмахнулся Родионов.

– Говорят, Половцев гонял его в прошлом месяце по всему Питеру.

– Гонял, да не догнал. Умный человек, если не может справиться с угрозой, от неё уходит. Это не трусость. Врага опасно недооценивать, тем более, такого как Ленин!

– Как же спасти его? – сказал Львов

– Кого спасти? – не понял Родионов.

– Керенского. Вы же сами сказали, Иван Александрович, что большевики его могут убить.

– Как? – развёл руками Родионов. – Только в союзе с Корниловым. Пусть даже в подчинённом положении.

– Он согласиться. Я немедленно иду к Корнилову. Прямо сейчас.

Но «прямо сейчас» Корнилов не принял Львова.

– Уже поздно, Владимир Николаевич, – устало сказал Корнилов. – Давайте завтра на свежую голову.

Утром в 10 часов Львов был в кабинете Корнилова. В углу на стуле, стараясь быть незаметным, пристроился адъютант Завойко.

– Прежде всего, Владимир Николаевич, – сказал Корни-

лов, – кто вас уполномочил? Кого вы представляете?

– Я от Керенского.

Корнилов нахмурился:

– Так. Хорошо. Внимательно слушаю вас, Владимир Николаевич.

– Я имею честь сделать вам предложение, Лавр Георгиевич. Напрасно думают, что Керенский дорожит своим местом. Отнюдь. Если, по вашему мнению, дальнейшее участие Александра Фёдоровича в управлении страной не даст необходимой твёрдости и силы, то он готов выйти из состава правительства. Но власть должна быть законно передана из рук в руки. Власть не должна быть захвачена! Если же вы его поддержите, он готов продолжать работу. Керенский пойдёт на реорганизацию правительства в том смысле, что бы привлечь к управлению все общественные элементы. Вот вам моё предложение, генерал.

Корнилов тяжело посмотрел на Львова и заговорил спокойным твёрдым голосом:

– Положение в стране архи тяжёлое. Немцы взяли Ригу, а это прямой путь на Петроград. По сведениям контрразведки большевики готовят восстание с целью захвата власти. А действия большевиков на руку немцам. В стране разруха, полная анархия. По моему глубокому убеждению, единственным выходом из тяжёлого положения является установление военной диктатуры и немедленного объявления в стране военного положения. Дальше медлить нельзя! Да! В

виду грозной опасности, надвигающейся на Россию, я не вижу другого выхода, как немедленная передача власти Верховным правителем Верховному главнокомандующему.

– Всей власти? – с тревогой спросил Львов. – Или только военной?

– Всей! И военной и гражданской.

– И гражданской?

– И гражданской – твёрдо ответил Корнилов.

– Но Керенского вознёс революционный народ! Что скажет он?

Корнилов посмотрел на него задумчиво и произнёс несколько фраз на не знакомом языке.

– Простите, генерал.

– Это на фарси, – сказал Корнилов и тут же поправился, – на персидском языке. Это стихи Фирдоуси, «Шахнаме».

И он перевёл на русский:

– Скажи: что такое народ? – Это сброд.

*Толпа обезьян, что на подлость идет,
Послушна тирану – так что есть народ?*

*– Да, сброд, если он за тираном идет.
Но если за правду стоит он горой*

Стремленьем к свободе горит, он – герой!

Львов закончил историко-филологический факультет

тет Московского университета и о Фирдоуси и его «Шахнаме» он, конечно, слышал, но ближе ему была церковно-славянская литература, недаром он был вольнослушателем Московской духовной академии. Стихи он не понял и к чему их произнёс генерал тоже.

– Может быть, будет лучше совместить должность Верховного главнокомандующего с должностью Верховного правителя.

– Можно и так, – согласился Корнилов, – конечно только до Учредительного собрания. Я сам лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо.

– Раз дело идёт о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам? А Александр Фёдорович может занять какой-нибудь министерский пост.

– Что ж я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции. Хотя я уже не верю ни тому, ни другому. Но прошу передать Керенскому, что не зависимо от моих взглядов на его характер, личные его свойства и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной Керенского и Савинкова безусловно необходимой.

– Хорошо, – ответил Львов.

– И ещё: возможно на Керенского готовится покушение. Гарантировать его безопасность я могу только здесь, в Став-

ке. Его и Савинкова. Поэтому прошу их обоих приехать сюда. Ну, и договоримся окончательно о дальнейших наших действиях.

– Непременно передам, Лавр Георгиевич.

– Вот и хорошо. Я распоряджусь им выделить по комнате, рядом с моими покоями.

Аудиенция закончилась, Львов вместе с Завойко вышли из кабинета Корнилова. В комнате дежурного генерала их ждал завтрак, Добрынский и полковник Голицын. Но обсудить разговор с Корниловым не успели: к ним за стол подсел некий профессор Яковлев. Он сходу стал излагать свою аграрную реформу.

– Я предлагаю каждому солдату пообещать дать по 8 десятин земли. Это сразу же снимет напряжение между властями и армией. Солдаты будут поддерживать власть.

– Ловко, – сказал Голицын. – Большевики обещают по 7 десятин всем крестьянам, а вы, значить восемь? И где вы возьмёте столько земли?

– У меня всё подсчитано.

– Ну, не знаю, – усомнился Голицын. – Большевики честно говорят, что отнимут её у помещиков. Россия страна аграрная и поддержка большинства населения им обеспечена. Причём это будет не просто ограбление, а научно обоснованное. Ленин утверждает, что пролетариат и беднейшее крестьянство это прогрессивный, передовой класс общества, а помещики и промышленники, соответственно регрессив-

ный, эксплуататорский. И передовой класс просто обязан, смести со своего пути эксплуататоров трудового народа. А что бы совесть не мучала – Бога отменили. А вы, значить, всё рассчитали? Все будут довольны?

– Не извольте сомневаться, – уверенно сказал Яковлев.

От Яковлева еле избавились. Завойко достал чистый лист бумаги.

– И так, – сказал он, – заместителем председателя правительства будет Керенский. А кто будет министром внутренних дел? Может быть вы, Владимир Николаевич?

– Я не на что не претендую, – замотал головой Львов.

Кабинет министров у Завойко получился довольно-таки пёстрым. Портфель министра юстиции Завойко скромно взял себе, Аладьину отдал портфель министра иностранных дел. А что? У англичан он свой человек, ходит в английской форме, кому же, как не ему быть министром иностранных дел? В кабинете министров у Завойко были представлены как социалисты (кроме Керенского, ещё и Савинков), так и капиталисты – крупный предприниматель Третьяков, не забыли и военных – Алексеева, Лукомского, Колчака и даже граф Игнатъев. Такое правительство было бы ещё менее дееспособно, чем нынешнее. Но этого никого не смущало.

Львов прихватил листок с собой. Завойко проводил Львова на станцию. Прощаясь, Владимир Николаевич спросил:

– Василий Степанович, Корнилов точно гарантирует безопасность Керенскому.

– Ну как можно, любезный Владимир Николаевич, чего-то гарантировать?

– Но он же сказал!

– Да мало ли чего сказал Главнокомандующий! Он же не может контролировать каждый шаг Керенского. Выйдет из дома, а его убьют.

– Да кто его убьёт?

– Почём я знаю? Тот же Савинков! – Завойко явно издевался над недалёким Львовом.

Но Львов этого явно не замечал.

– Но это же ужасно! – в голосе Владимира Николаевича звучала тревога.

– Ничего ужасного. Такова жизнь!

– Так для чего же Корнилов зовёт Александра Фёдоровича к себе?

– Он его хочет спасти, да сможет ли?

В голове Львова всё перепуталось: «народ это сброд», «гарантирую безопасность», «кто-нибудь да убьёт». Как во всём этом разобраться?

Ни в Петрограде, ни в Могилёве не подозревали, какая опасность движется из Могилёва в Петроград. Всё шло, как обычно. Только у Лукомского закрались подозрения, и он спросил Корнилова:

– Почему Керенский на переговоры прислал Львова?

– Он порядочный человек.

– Да. И порядочный путаник. Всё это очень странно. Не затевает ли Керенский какую-нибудь пакость? Почему Савинков ничего не знал?

– Не надо быть таким мнительным, Александр Сергеевич. Савинков находился здесь в Ставке, у Керенского изменились обстоятельства и он послал Львова. Вот и всё.

В этот день, 25 августа, на основании постановления Временного правительства, Корнилов подписал приказ о создании Отдельной Петроградской армии.

Крымов встретил Добрынского. Они были знакомы.

– Перехожу в распоряжение военного министра, – сообщил Крымов. – Если послезавтра, большевики всё же выступят, отобью у них всякую охоту к бунту.

– А Совет рабочих и солдатских депутатов? – спросил Добрынский.

– О нём не знаю. Но если поддержат большевиков, я свой

долг перед Родиной исполню.

В этот день в качестве главнокомандующего Отдельной Петроградской армии Крымов издал указ, где на территориях расположения армии объявлялось военное положение. На них вводился комендантский час, запрещались забастовки, митинги, собрания, населению предписывалось добровольно сдать имеющиеся у него оружие. Последний параграф указа гласил: «Предупреждаю всех, что на основании повеления Верховного главнокомандующего войска не будут стрелять в воздух»

Крымов выехал из Могилёва в полдень 26 августа.

Всё шло своим чередом, Завойко, Аладьин и полковник Голицын обсуждали военную диктатуру и приезд в Могилёв Керенского, Корнилов работал над бумагами и никто не знал, что этим вечером Керенский назначил Львову аудиенцию.

Керенский встретил Львова вопросом:

– Вы всё по тому же делу?

– Не совсем. Я к вам от Корнилова с предложением.

– Да? Интересно. И с каким?

– Вам грозит опасность, Александр Фёдорович. Смертельная опасность. В ближайшие дни ожидается выступление большевиков. Они вас убьют, Александр Фёдорович! Единственное спасение, это передать всю полноту власти в руки Корнилова. В его правительстве вы получите пост министра

юстиции. И вам срочно надо выехать в Ставку. Только там Корнилов вам гарантирует безопасность.

На лице Керенского выразилось безграничное удивление:

– Вы шутите, Владимир Николаевич?

– Нет, что вы! Это единственный выход, что бы спасти вашу драгоценную жизнь, Александр Фёдорович. Вы нужны революции, вы нужны народу!

Керенский ходил по кабинету, в голове у него зрел коварный план: обвинить Корнилова в мятеже и самому стать диктатором. «Если всё получится, – думал он, – то не надо будет ни на кого оглядываться. Потребовать себе исключительные полномочия, сформировать кабинет министров по своему усмотрению». У него зачесались ладони от предвкушения удачи.

– Владимир Николаевич, словам никто не верит. Слова летучи, как говорили древние. Если вы действительно от Корнилова, то напишите его требования на бумаге.

– Хорошо, – согласился Львов.

Он сел за стол, взял лист бумаги, обмакнул ручку в чернильницу и написал:

Генерал Корнилов предлагает:

- 1. Объявить г. Петроград на военном положении.*
- 2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.*
- 3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления мини-*

стерств товарищам министров вплоть до образования кабинета Верховным главнокомандующим.

В. Львов. Петроград. Август 26-го дня 1917.

Львов передал листок со словами:

– В Ставке считают очень важным передать власть от Временного правительства легально. И что ж? Вы туда поедите?

Керенский пробежал листок глазами. «Да, жидковато», – подумал, а вслух сказал:

– Нет, конечно! Неужели вы серьёзно полагаете, что я смогу быть министром юстиции у Корнилова?

Керенский спрятал листок в карман.

– И правильно, Александр Фёдорович, – почему-то обрадовался Львов. – А вдруг вас там убьют?

Керенский посмотрел на Львова, усмехнулся и сказал, размахивая указательным пальцем:

– Сегодня в восемь на Мойке, в особняке военного министра. Жду.

Такое же предложение чуть позже получил и личный друг Керенского бывший заместитель министра внутренних дел при первом Временном правительстве Василий Вырубов. Но после Керенский передумал и явился в дом на Мойке раньше Львова и Вырубова. Там стоял телеграфный аппарат, позволяющий передавать и, главное, принимать сообщения буквами на длинной бумажной ленте.

Керенский никого дожидаться и не собирался. Он прика-

зал телеграфистам связаться со Ставкой.

– Здравствуйте. У аппарата Керенский и Львов, – приказал передать министр-председатель, хотя никого рядом с ним не было. – Ждём генерала Корнилова.

– Здравия желаю. У аппарата Корнилов.

Что соответствовало действительности.

– Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

– Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мной Владимиру Николаевичу, с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

– Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично, без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

– Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

– Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Подошёл Вырубов, аппарат в это время выбивал:

– Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего отъезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

– Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

– Во всяком случае.

– До свидания, скоро увидимся.

– До свидания.

Керенскому вручили распечатку переговоров.

– Вот, Василий Васильевич! – махал Керенский перед лицом Вырубова. – Вот!

Что «вот» Вырубов не понял. На лестнице встретили Львова, поднимавшегося к ним.

– Что, Александр Фёдорович? Я не обманул вас? Я оказался для вас верным другом?

– Разумеется, Владимир Николаевич. Я в вас никогда и не сомневался.

Керенский пригласил Львова с собой в Зимний дворец, где он и был арестован и заключён под стражу там же во дворце.

В Малахитовой гостиной Зимнего дворца собрались все члены Временного правительства. Керенский вошёл туда

радостно-возбуждённый. Он сходу прочитал «ультиматум Корнилова», составленный Львовым и телеграфные ленты переговоров с Корниловым.

– И что из этого следует? – спросил Кокошкин.

– Это мятеж, Фёдор Фёдорович! Он предъявляет мне ультиматум.

– Не вижу даже тени мятежа. Я понял, что Корнилов предлагает договориться. А в Ставку он вас зовёт, наверное, в целях вашей безопасности.

– Он меня хочет там убить!

– Что бы все лавры убийства Керенского достались только ему и больше никому! – в словах Кокошкина послышалась издёвка.

Керенскому на это ответить было нечего – действительно глупо.

– Это мятеж, – упрямо повторил Керенский, – и я требую себе диктаторских полномочий, для его подавления.

– Чем давить будите, Александр Фёдорович? Корнилову есть чем задавить большевиков в случаи их выступления. А вы чем задавите Корнилова?

Члены правительства зашумели, все их выступления сводились к одному: раскол правых сил допустить нельзя, с Корниловым надо всё урегулировать мирным путём.

– Тогда я уйду к Советам, – обиделся Керенский, – буду их вождём.

– Думаю, что Ленин будет принципиально против, – ска-

зал Кокошкин. – Нет, всё-таки вы хотите стать Александром IV, товарищ Керенский. Или лучше – господин Керенский?

– Ах, оставьте, – отмахнулся министр-председатель и вышел из зала, хлопнув дверью, но тут же вошёл опять.

– И всё-таки, я настаиваю исключительных полномочий для себя и право формировать кабинет министров по своему усмотрению.

После этих слов наступило гробовое молчание.

– В таком случаи, – сказал Кокошкин, – я не считаю себя возможным оставаться в правительстве и прошу принять мою отставку.

– И мою! И мою! – загалдели министры.

– Хорошо! – твёрдо сказал Керенский. – Я принимаю ваши отставки, но прошу оставаться на своих местах и работать вплоть до моих особых распоряжений.

– Нет, – сказал Кокошкин, – уходить, так уходить. Я ухожу. Кто со мной?

Его поддержал однопартиец, министр путей сообщения Юренев.

Первая искра бунта.

Остальные согласились работать дальше. Впрочем, Кокошкин и Юренев тоже вскоре вернутся к совместной работе в правительстве.

Керенский вернулся к себе под утро, продиктовал телеграмму Корнилову и потом долго пел любимые арии из опер. Его апатия испарилась, он опять стал тем Керенским, каким

был полгода назад в дни революции. И то, что опереться ему по-прежнему не на кого, он как-то не учёл.

Рано утром на следующий день, 27 августа, в Ставку из Петрограда пришла телеграмма:

«Генералу Л.Г. Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего и немедленно прибыть в Петроград. Обязанности Верховного главнокомандующего временно возлагаются на генерала А.С. Лукомского».

Телеграмма была без номера и подписана весьма скромно: «Керенский».

– Ничего не понимаю, – удивился Корнилов. – Как вы думаете, что бы это значило, Александр Сергеевич?

Лукомский повертел в руках телеграмму и сказал:

– Верховный главнокомандующий не подчиняется ни военному министерству, ни, тем более, какому-то Керенскому, а только правительству. Я же лично не считаю возможным брать на себя обязанности Главнокомандующего.

– Да, обстановка такова, что я должен оставаться на своем посту до конца. Я должен добиться, чтобы Временное правительство провело в жизнь мои требования. Пошлите сейчас же телеграмму Крымову, чтобы он ускорил сосредоточение своих войск к Петрограду.

Были вызваны Завойко, Аладьин и Филоненко. Филоненко прочитал ещё и распечатку переговоров.

– С кем вы разговаривали, Лавр Георгиевич, и о чём?

– Что тут не понятного? С Керенским и Львовым. О приезде его и Савинкова сюда.

– Вы уверены?

– Да.

– Савинков об этом знает?

– Наверное, знает.

Савинков ничего не знал.

– Телеграмма какая-то странная, – засомневался Аладьин.

– Главнокомандующий может быть смещён только постановлением правительства, – заметил Завойко.

– Быть может, уже нет никакого правительства, – сказал Аладьин.

– Как нет? – удивился Филоненко.

– А так! Керенский стал единоличным правителем.

– Так, – засуетился Филоненко, – я должен немедленно ехать в Петроград.

– Зачем? – не понял Аладьин. – Если вы понимаете, что произошло, то вы как честный человек должны обо всем телеграфировать Временному правительству и остаться при генерале Корнилове.

– Нет, я должен, – упёрся Филоненко, – лично доложить Савинкову.

– Бежите с корабля? – поинтересовался Завойко.

– При чём здесь это? – обиделся Филоненко. – Я останусь только в том случае, если меня арестуют.

– Я вам, Максимилиан Максимилианович, – сказал Корнилов, – запрещаю куда-либо ехать.

– Тогда я считаю себя арестованным. Буду сидеть здесь в вашем кабинете и с места не сдвинусь!

– Сидите, – разрешил Корнилов, – вы мне не мешаете.

– Так что будем делать, Лавр Георгиевич? – спросил Завойко.

– Ждать, – ответил Корнилов. – Телеграмма это или ошибка, что-то перепутали, или телеграф захвачен большевиками.

– Тогда тем более Крымов должен идти на Петроград, – сказал Завойко.

– Так он и идёт, – сказал Аладьин. – А что если, Лавр

Георгиевич, это действительно Керенский? Почему бы вам с ним не связаться?

– Тогда получается, что он меня просто вышвырнул, как щенка белогубого! – вскипел Корнилов. – Меня боевого генерала! Кто я и кто он! Нет, ждём. Хотя, впрочем, пусть Александр Сергеевич напишет телеграмму Керенскому. Посмотрим, что ответят. Василий Степанович, – обратился он к Завойко, – помогите ему.

И в полдень Керенскому ушла телеграмма за подписью Лукомского.

«Товарищу Керенскому. Остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием коего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию»

В это время в Петрограде, в этот тихий предосенний воскресный день в Зимнем дворце Керенский собрал частное

собрание из бывших министров. Керенский прочитал свой текст обращения к населению. Не выспавшиеся бывшие министры слушали его в пол уха. Как обычно: много воды и никакой конкретики.

– В обращении не ясно за что отправлен в отставку генерал Корнилов, – сказал бывший министр финансов Некрасов.

– За мятеж и попытку свержения правительства, – ответил Керенский, – есть доказательства.

– Доказательства не убедительные, – возразил бывший министр юстиции Зарудный. – Но это ваше дело. Мы это подписывать всё равно не будем.

– Почему? – удивился Керенский.

– Мы же все в отставке, – напомнил Зарудный.

– Но я же просил вас пока исполнять свои обязанности, – не унимался Керенский.

– А мы и исполняем, – ответил Зарудный, – но подписывать такие бумаги не в нашей компетенции.

Все бывшие министры с ним согласились, и Керенскому пришлось покориться.

– Мы считаем, – сказал Терещенко, – что вам, Александр Фёдорович, надо всё же связаться со Ставкой. Может быть, вы всё не так поняли.

– Я с этим тёмным неграмотным казаком, наполовину киргизом, говорить, не намерен! – гордо заявил Керенский.

Керенский понял, что его гениальный план единоличного

захвата власти рушиться на глазах: его никто не поддерживает.

– Хорошо, – согласился Терещенко, – пошлите к Корнилову Савинкова. Вы его ещё не уволили?

– Нет. Хорошо пошлю.

Савинков уехал в Могилёв. Собрание прервали.

В Могилёве Савинков сходу стал обвинять Корнилова в мятеже.

– Вы, Лавр Георгиевич, обещали мне поддержать меня и Керенского. А сами затеяли мятеж! И, говорят, намерены были нас списать в расход.

– Вы та в Петрограде грибов, что ли поганых объелись? Эта странная телеграмма от Керенского. Что происходит?

– Это я должен спросить: «Что происходит?» Зачем вы хотите сместить Александра Фёдоровича?

– Борис Викторович, я полный генерал, генерал от инфантерии, я умею только воевать и воевать не плохо, – в голосе Корнилова зазвучали железные нотки. – А вот управлять государством я не умею. Я не мыслю себе управление Россией без вас и Керенского. Подавить восстание большевиков я смогу. Я приказал расстрелять сотню дезертиров и выставить их трупы вдоль дороги и дезертирство в армии значительно сократилось. Но управлять государством... Я вновь повторяю, что мне интересы моей Родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к Родине я доказал много раз, рискуя собственной жизнью, и ни вам, ни остальным

министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед Родиной. Решение о моей отставке, я уверен, навязана Александру Фёдоровичу изменниками и предателями Родины. Принять её, это как бежать с поля боя, самому стать дезертиром. Это позор! В полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью, я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей Родиной, я со своего поста не уйду.

Савинков как-то сразу успокоился, обмяк:

– Да, я думаю, всё происходящее это недоразумение и большая ошибка.

Савинков вместе с Филоненко вернулся в Петроград. В Зимнем дворце первого, кого он встретил, был бывший министр финансов Некрасов.

– Всё в порядке, Николай Виссарионович, – сказал ему, улыбаясь, Савинков. – Корнилов никакого мятежа не поднял.

– Поздно, Борис Викторович.

– Что поздно? – не понял Савинков.

– Всё поздно, – сказал Некрасов и протянул свежий, пахнущий типографской краской листок газеты «Известия».

*Радиограмма А.Ф. Керенского с обращением к народу.
27 августа 1917 года*

От министра-председателя.

26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им, по личному усмотрению, будет составлено новое правительство для управления страной.

Усматривая в предъявлении этого требования, обращённого в моём лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжёлым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для меня принять скорый и решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоёванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность.

Вместе с тем приказываю:

1) Генералу Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего.

2) Объявить город Петроград и петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении...

Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохра-

нению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга – защиты родины от врага внешнего!

Министр-председатель, военный и морской министр А. Ф. Керенский.

Известия. 1917. 28 августа

Савинков ворвался в кабинет Керенского, размахивая газетой:

– Что это значить, Александр Фёдорович? Никакого мятежа нет!

– Это не важно, Борис Викторович. Я взял ответственность за судьбу России на себя.

– Но Корнилов не мыслит управлять Россией без меня и, главное, без вас, Александр Фёдорович!

– И, тем не менее, его войска идут на Петроград, – голос Керенского звучал холодно и безразлично. – Я разослал телеграммы, предписывающие любым путём задержать продвижение «корниловцев» к Петрограду. Вы со мной, Борис Викторович? Если со мной, то я прошу вас принять назначение военным генерал-губернатором Петрограда.

Все наполеоновские планы Савинкова рухнули в одночасье. Но теперь главное остаться у власти, рядом с властью, а там видно будет. Он согласился.

А опереться министру-председателю по-прежнему было не на кого. К нему в Зимний дворец явилась делегация от Союза казачьих войск с предложением стать посредниками в деле примирения его и Корнилова. С такими же предложениями высказались послы Англии, Италии и Франции. Ответ у Керенского был один: категорическое «нет».

«Нет» ответил и командующий Северным фронтом генерал Клембовский. Главнокомандующие Западным и Румынским фронтами выразили свою поддержку предложенной Корниловым программы по оздоровлению армии. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом прислал телеграмму следующего содержания:

"Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июня на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена, и оставление свое на главнокомандующего я понял тогда, как осознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известное требование, могущее еще спасти страну и армию, смещается с поста верховного главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. № 145. Деникин".

– Это чёрт знает что! – сказал Керенский, размахивая телеграммой. – Если это не мятеж – то, что это? Не пойдёт он! В тюрьму Деникин пойдёт! В тюрьму!

На частном заседании бывших министров Кокошкин предложил создать директорию с участием генерала Алексева и наделить его всеми полномочиями главы правительства. Бывший министр иностранных дел Терещенко согласился с этим и сказал:

– Это дело надо ликвидировать так, чтобы обоих за штат отправить – и Керенского, и Корнилова, обе стороны удовлетворить взаимным жертвоприношением.

С этим согласился Некрасов, а за ним и все остальные бывшие министры.

На улицах Петрограда нижние чины стали отдавать честь офицерам, что не наблюдалось с февраля месяца.

Обыватели шептались между собой:

– Дикie горцы идут с Кавказских гор. Они не будут разбираться: кто левый, кто правый. Всех резать будут! Им бы только до грабежа добраться!

Керенский остался в одиночестве. Он лежал на диване в своём кабинете и лихорадочно думал: что бы предпринять.

И придумал. Он вызвал к себе члена президиума Петроградского Совета меньшевика Церетели Ираклия Георгиевича.

– Меня покинули все, – с жалкой улыбкой сообщил ему Керенский. – Все!

Он отодвинул ящик письменного стола, достал оттуда револьвер и с глупой улыбкой приставил его к виску.

– Вы меня за этим вызвали, Александр Фёдорович? – с сильным акцентом спросил Церетели. – Зафиксировать факт вашего самоубийства? Или у вас есть другие более интересные предложения?

– Есть. Я хочу передать всю власть Советам, если я возглавлю эти Советы, и если вы сумеете остановить войска Корнилова, наступающие на Петроград.

– Моя фракция меньшевиков вряд ли чем вам сможет помочь. Но вот мои однопартийцы из другой фракции, думаю, что они смогут вам помочь.

– Как?

– Разагитируют. У них хорошие агитаторы.

– Договаривайтесь хоть с чёртом, только остановите.

Этим же вечером, 27 августа Церетели встретился со своим однопартийцем из фракции большевиков Иосифом Джугашвили, партийный псевдоним Сталин. Он был ответствен за организационно-журналистскую работу.

Джугашвили искренне обрадовался Церетели: в этом русском море так редко выпадает случай поговорить с земляком на родном грузинском языке. Они почти ровесники – Церетели 36 лет, Джугашвили 38. Предложил чаю. По восточно-

му обычаю сначала говорили о пустяках, потом перешли к делу.

– Керенский отдаст всю власть Советам с условием, что он их возглавит и Советы остановят продвижение корниловских войск. Только у большевиков есть лучшие агитаторы. Только они могут помочь правительству и лично Керенскому.

Сталин не спеша достал трубку, набил её табаком, закурил, пуская клубы дыма. К этому он пристрастился в ссылке в Туруханске. Табачный дым от мошки и комаров – первое дело.

– Условия, Ираклий? Хорошо. Мы тоже выдвинем свои условия. Во-первых, освободить наших товарищей из тюрем, куда их посадили в прошлом месяце. Во-вторых, прекратить преследовать фракцию большевиков и их вождей. И в-третьих, позволить вооружить красную гвардию, а для этого допустить нас на склады с оружием.

– Большевики будут помогать Керенскому? – удивился Церетели.

– Нет, не Керенскому. Ты ему передай, Ираклий, не ему будем помогать, а революционному народу.

– Но, Иосиф, Керенский может обмануть и не передать всю власть Советам.

И. В. Сталин. Член Военно-революционного комитета. 1917 г.

Сталин хитро сверкнул глазами, положил левую руку на плечо Церетели и почти ткнул чубуком трубки ему в грудь.

– Зачем так говоришь, Ираклий? Почему может? Обязательно обманет.

– И вы будите ему помогать?

– Почему нет? Зачем ты пришёл сюда и обратился ко мне

с просьбой, если не верил в успех?

– Попросил ...

– Вот вы, меньшевики, – перебил его Сталин, – никогда не верите в успех! Почему?

Церетели пожал плечами.

– Будем помогать, Ираклий, будем. Если он выполнит наши условия.

Он хитро посмотрел своими тёмными глазами на собеседника и добавил:

– Ленин снял лозунг «Вся власть Советам!» Он для нас не актуален. Поэтому будет Керенский возглавлять Советы, не будет, нам всё равно.

Керенский написал несколько указов и уже ночью агитаторы большевиков направились навстречу корпусу Крымова, а Сталин занялся листовками.

На следующий день, 28 августа, по инициативе большевиков Советами был создан Военно-революционный комитет, где они заняли главную, определяющую роль. Именно Военно-революционный комитет организовал доступными ему средствами оборону от наступающих на Петроград воинских сил Корнилова.

Корнилов 28 августа опубликовал обращение к народу, написанное Завойко от его имени:

Обращение Л.Г. Корнилов к народу

Телеграмма министра-председателя за № 4163, во всей своей первой части, является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне, в эти грозные минуты, призвать всех русских людей к

спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога – в храмы, молитте Господа Бога, об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы, и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага, – германского племени, – и сделать русский народ рабами немцев, – я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!"

27 августа 1917 г. Ставка.

На это генерал Пётр Краснов, в общем-то, не плохой писатель, заметил:

– В прекрасно, благородно, смело написанном приказе звучала фальшь.

После этого обращения Ставка выпустила массу телеграмм, обращений, приказов и воззваний. А надо было просто поднять армию и идти на Петроград, на помощь Крымову. Как там, у Крымова никто не знал. Попытались один раз установить с ним связь, но не удачно и больше не пытались.

А Корнилов слёг. У него отказала правая рука. Она мучи-

тельно ныла и отказывалась подчиняться. Он лежал, прислушивался к боли, а вокруг него хлопотали жена, дочь и сын.

Накануне он провёл смотр могилёвского гарнизона. В смотре участвовали Корниловский полк, два эскадрона текинцев и Георгиевский батальон, подвергшийся большевистской агитации.

Перед строем могилёвского гарнизона Корнилов решил произнести речь. Потребовал стул. Забираясь на него, чуть не упал. Из рядов Корниловского полка кто-то ахнул:

– Плохая примета.

Завойко махнул рукой. Строй прокричал трёхкратное «ура». Георгиевский батальон молчал.

Корнилов начал речь:

– Солдаты! Товарищи! Я сын казака-крестьянина! Я на своих руках видел мозоли, и возвращаться к старому не желаю! Ложь и провокация приходят из Петрограда. И только безумец может подумать, что я всю жизнь посвятивший служению Родины и её народу, могу даже в мыслях изменить народному делу, – голос главнокомандующего задрожал от смертельной обиды, но выпрямился и опять зазвучал резко и властно: – Нет! Я корнями ухожу в эту землю! Я плоть от плоти из толщи русского народа! И предать его я не смогу! Да, я приглашал и приглашаю в Могилёв Керенского, правительство и лидеров всех политических партий, что бы сформировать правительство народного единства, народной обороны. За безопасность их я ручаюсь честным словом русско-

го офицера! Но если Временное правительство не откликнется на мое предложение, и будет также вяло вести дело, мне придется взять власть в свои руки, хотя я заявляю, что власти не желаю и к ней не стремлюсь. И теперь я спрашиваю вас, будете ли вы готовы тогда?

Корниловский полк и текинцы прокричали: «Готовы!» Георгиевский батальон угрюмо молчал, сознавая, что он в меньшинстве.

И к вечеру эта болезнь. Именно тогда, когда надо было действовать, действовать Корнилов не мог. Он лежал с тоскою в сердце и воспалёнными глазами смотрел в потолок. Одна надежда – Крымов. Приказы Корнилова, посланные превозмогая себя, не выполнялись. Вспомнились строчки Лермонтова:

И маршалы зова не слышат:

Иные погибли в бою,

Другие ему изменили,

И продали шпагу свою.

Нет, это не так, конечно, но многие. Обидно. Не верят в него. Вся надежда на Крымова.

Крымову были подчинены три конных дивизии: Кавказская туземная, Первая Донская и Первая Уссурийская. Это

было более чем достаточно, что бы подавить любое революционное выступление в Петрограде.

Крымов выехал из Ставки днём 26 августа, а добрался до города Луги, где располагались его передовые части, только в ночь на 28 августа. Что задерживало его поезд в пути, станционное начальство объяснить не смогло.

Из Луги, днём генерал Крымов позвонил в Петроград. Какой-то незнакомый голос, представился начальником штаба округа и как-то нерешительно сообщил:

– Есть распоряжение военного министра Керенского. Генерал, вы должны остановить своё продвижение на Петроград.

– У меня имеется приказ Верховного главнокомандующего двигаться на Петроград. Я могу подчиниться распоряжению военного министра только в том случае, если буду иметь его в письменном виде.

– Хорошо, генерал, ждите дальнейших распоряжений.

Этот разговор встревожил генерала и, вернувшись в свой вагон, он сказал своему начальнику штаба, генералу Дитерихсу:

– Не понятно, что там, в Питере твориться, Михаил Константинович. Может быть, он уже захвачен большевиками?

– Всё может быть, Александр Михайлович.

Прибыл офицер с копией телеграммы от Керенского, где он объявляет Корнилова изменником.

– Кто изменник? – удивился Крымов. – Лавр Георгиевич?

Изменник чего? Они там с ума сошли что ли? Точно Петроград захвачен большевиками!

Тут появился офицер связи из Пскова с копией распоряжения Корнилова. Туземная дивизия должна быть сосредоточена в Царском Селе, Донская – в Гатчине, а Уссурийская – в Красном Селе.

– Вот это другое дело, – обрадовался Крымов, давая распоряжения о начале движения.

Но оказалось, что железнодорожные пути разобраны на протяжённом участке дороги.

Крымов сказал, что если путевая бригада рабочих не восстановит дорогу, то он расстреляет их всех. Это заставило бригаду путейцев в ночь спешно укладывать рельсы обратно. А в четыре часа утра пришла телеграмма от Керенского, где он сообщал, что в Петрограде всё спокойно и переброску корпуса следует приостановить.

– Михаил Константинович, – Крымов обратился к Дитерихсу, – съездите в Псков, разберитесь с обстановкой. Я уже ничего не понимаю.

В Пскове командующий Северным фронтом генерал Клембовский знал не многим больше. Дитерихсу удалось дозвониться до Ставки. Генерал Романовский сообщил, что Корнилов на своём месте, с Керенским идут переговоры, компромисс более чем вероятен.

На станции Луга творилось что-то невообразимое. Ско-

пившиеся эшелоны с казаками растаскивали паровозами, их тащили сорок-шестьдесят вёрст, а затем бросали на каком-нибудь полустанке или тупике, без фуража для лошадей, без еды для людей.

Зато среди них появлялись люди в солдатских шинелях и говорили:

– Товарищи, что же вы? Керенский вас из-под офицерской палки вывел, свободу вам дал, а вы опять захотели тянуться перед офицером, да чтобы в зубы вам тыкали! Так, что ли?

– Товарищи! Керенский за свободу и счастье народа! А генерал Корнилов за дисциплину и смертную казнь! Ужели вы с Корниловым?

– Станичники! Вы соль земли! Краса и гордость России! Скинули царя со своей шее, а теперь офицёрв туда сажаете?

Растерянные донские и уссурийские казаки отказывались подчиняться приказам.

Офицеры корпуса попытались арестовать агитаторов, но казаки их отстраняли:

– Погодь, ваше благородие, пушай гитарит.

Вечером, у станции Антропшино Ингушским полком Кавказской туземной дивизии завязался бой неизвестно с кем. Отряд неизвестных отступил в Царское Село. Командир дивизии, князь Гагарин решил не рисковать и тоже отступил. Дивизия расположилось на станции Дно. И к ним из Петрограда Всероссийский мусульманский съезд направил

внушительную делегацию. Среди них даже был потомок великого Шамиля. Они владели ингушским, черкесским и татарскими языками. Они были свои для горцев. В результате их деятельности Кавказская туземная дивизия потеряла всякую боеспособность.

Вечером 28 августа в Лугу из Петрограда к Крымову прибыли посланцы от «Республиканского центра» полковник Дюсимитьер и инженер Финисов. Они убеждали Крымова двигаться в столицу, где его с нетерпением ждёт офицерское подполье, обещавшее поддержку.

На самом деле в Петрограде офицерские организации не знали что делать. Никаких указаний из Ставки не поступало. Контрреволюционное подполье ждало посланцев Корнилова за деньгами, согласно договорённости в Москве, но так и не дождалось.

Противоречивые сведения поступали со всех сторон, Крымов не понимал, что надо делать и кавалерийский корпус управлялся всё хуже и хуже. 29 августа он попытался двинуть корпус к столице, но это не увенчалось успехом. Казаки митинговали и днём и ночью.

Вокруг Крымова привычный мир рухнул, вместе с ним рухнули и все его устои и представления. Он искренне считал, что неподчинение командирам, это следствие слабости командного состава. Теперь надо признать или он слаб как

командир (а это признать он никак не мог) или что в мире что-то изменилось. Нельзя же расстрелять весь корпус! Да и кто будет расстреливать?

После некоторого раздумья, Крымов послал в Петроград связного к полковнику Самарину, своему бывшему начальнику штаба по Уссурийской дивизии, искренне полагая, что товарищ по оружию юлить и врать не станет. Он сейчас служил в военном министерстве. Самарин пообещал приехать в Лугу и утром 30 августа он появился в штабе Крымова.

– Александр Михайлович, – сходу заявил Самарин, – министр-председатель ждёт вас у себя в Зимнем дворце. Вашей свободе и безопасности ничего не грозит.

– И не должно ничего грозить, – заметил Дитерихс, – корпус выполняет приказ Корнилова, который в свою очередь, выполняет поручение Керенского Александра Фёдоровича.

– Вы со мной, Михаил Константинович? – спросил Крымов.

– Разумеется.

И рано утром 31 августа они прибыли в Петроград.

По городу расклеены листовки от большевиков:

Товарищи!

Генерал Корнилов идёт на Петроград. Революционный пролетариат должен поставить на очередь вопрос об обороне столицы во всей ее полноте. Рабочие, солдаты, все граждане, кому дороги завоевания революции, обсуждайте

те немедленно дело обороны Петрограда, вырабатывайте и проводите в согласии с вашими организациями неотложные меры отпора! Добивайтесь полного перехода дела защиты Петрограда в руки солдат, рабочих и всей городской бедноты.

Григорий ЗИНОВЬЕВ.

Сталин явно время даром не терял, действовал.

Крымов и Детерихс первым делом направились к генералу Алексееву.

– А я вас ждал, Александр Михайлович, – сказал Алексеев. – Где ваш кавалерийский корпус?

– Мой корпус разложен большевицкими агитаторами и стал не управляем. Туземная дивизия отведена на станцию Дно.

– Дно – какое символическое название! – произнёс Алексеев. – Полагаю, что ваш корпус это единственная надежда России, и она не оправдалась. Керенский решил сам стать верховным главнокомандующим. А мне предложил стать у него начальником штаба.

– И что, Михаил Васильевич?

– Пришлось согласиться. Хотя мне эта роль противна до глубины души. А что было делать? Не согласился бы, он назначил бы Черемисова. А он всех бы нас арестовал, а потом бы расстрелял. Даже не сомневайтесь. Он зол на Корнилова. А я вот сейчас собираюсь в Могилёв, к Лавру Георгиевичу.

Позавчера Керенский отдал указ об отстранении от должности генерала Корнилова за мятеж и его старших сподвижников. Попробую всё как-то уладить.

– Что же нам делать? – спросил Крымов.

М.В. Алексеев

– Не знаю, Александр Михайлович. Думаю набраться терпения и ждать. Ждать, как бы больно и противно это не бы-

ло. Проиграно сражение, но не проиграна война. Во всё виновата глупость и властолюбие Керенского. И, конечно, организация большевиков. В ответ, нам надо создать свою организацию.

– И когда это будет?

– Это дело не быстрое. Но надо торопиться.

Крымов в одиночестве, в подавленном состоянии поехал к Керенскому.

Зимний дворец охраняли революционные матросы-анархисты с крейсера «Аврора», пока сам крейсер был на ремонте в доках Адмиралтейства.

Керенский его принял холодно, руки не подал, демонстративно заложил руки за спину.

– Вы мятежник, генерал. Вы и ваш Корнилов мятежник. Вы предали дело революции, подняли руку на святое! На правительство. На Россию посягнули!

– Мне больно слышать, что вы подозревали меня в каком-то умысле, тогда как я всю жизнь мою посвятил Родине. О генерале Корнилове я могу сказать то же самое.

Крымов не понимал: в чём его обвиняют.

– С какой целью вы шли на Петроград?

– По приказу Корнилова и вашей просьбе к нему защитить столицу от большевиков.

– Врёте, генерал! Нет в Петрограде никаких большевиков. Вы шли узурпировать власть для Корнилова.

– Но Лавр Георгиевич даже не помышлял об этом.

– И опять врёте! Ваше движение подавлено! И подавлено бескровно исключительно благодаря энтузиазму и единению всей страны, которая соединилась вокруг национальной демократической власти!

– Вы заблуждаетесь, Александр Фёдорович. Мой корпус разложили исключительно большевицкие агитаторы.

– Да, они настоящие патриоты и революционеры!

– Вы теперь с большевиками, Александр Фёдорович? – удивлению Крымова не было предела.

– Я с революционным народом! – пафосно сообщил Керенский. – Вы, генерал, очень умны. Я давно слышал, что вы умный. Этот приказ вами так скомбинирован, что не может служить вам оправданием. Все ваше движение было подготовлено заранее!

– Да конечно! – презрительно сказал Крымов.

Керенский впал в истерику.

– Молчать! – закричал министр-председатель и позвонил в колокольчик.

В кабинет вошёл прокурор Шабловский.

– Вручите ему предписание. И завтра генерал явитесь для дачи официальных показаний.

Шабловский подал Крымову бумагу, тот не глядя подписал.

– Свободны, генерал! По крайней мере, пока. Но вас ждёт суд.

Крымов молча вышел из кабинета. Находился он в крайне угнетённом состоянии. Керенский оказался предателем и лжецом. Поехал Крымов на Захарьевскую улицу к своему знакомому, ротмистру Журавскому. Приехал бледный, растерянный, с потухшим взором.

Ротмистр любопытствовать не стал:

– Чаю?

– Что? – не понял Крымов.

– Чаю, может быть, желаете, Александр Михайлович?

– Да, да, конечно, – сказал Крымов, но по глазам было видно, что вопроса он не понял.

Журавский вышел из комнаты, занялся самоваром. Через некоторое время раздался выстрел. Журавский ворвался в комнату. Крымов лежал у стола с револьвером в руке, на мундире в области сердца расплывалось тёмное пятно. Генерал ещё дышал. Вызванная карета скорой помощи отвезла его в Николаевский военный госпиталь, через несколько часов он там скончался.

Публичные похороны генерала Крымова министр-председатель запретил. Его похоронили ночью. И лишь девять человек получили разрешение от Керенского проводить генерала в последний путь.

Полковника Самарина 4 сентября произвели в генерал-майоры за отличия по службе и назначили командующим Иркутского военного округа.

12

Алексеева 30 августа уговаривали стать начальником штаба у Верховного главнокомандующего Керенского довольно-таки долго. Первым на квартиру к Алексееву отправился Вырубов, но получил решительный отказ, вернулся в Зимний дворец.

– Василий Васильевич, немедленно назад! – взвизгнул Керенский, – и без Алексеева не возвращайтесь!

– Я один не пойду, – решительно сказал Вырубов. – Бессмысленно.

Поколебавшись, Керенский решил идти на поклон к Алексееву вместе с Вырубовым. Алексеева пришлось ждать у входа: генерал был на прогулке. Вернувшись, он молча пожал руки Керенскому и Вырубову и прошёл вперёд и стал подниматься наверх, к себе. И там, повернувшись к Керенскому и Вырубову сказал:

– Раз уж вы ко мне пришли, то извольте выслушать всё правду.

Керенский кивнул, Алексеев начал:

– Вы, Александр Фёдорович, и только вы виноваты в разложении армии и за развал флота. Всегда, во все времена правители опирались на армию. А вы её уничтожили, но подняли Советы. А теперь Советы создают свою армию, именуемую «красной гвардией». Плохо ли, хорошо, но они её во-

оружают и обучают. В то время как вам опереться не на кого.

Накануне прошли аресты «корниловцев». Арестовали Деникина и его начальника штаба генерала Маркова, арестовали и многих других генералов, Савинкова отправили в отставку и Алексеев знал это.

– А сейчас вы арестовали лучших из лучших, – продолжил Алексеев, – Армия в растерянности и не знает, что делать! Нижние чины запутались в этих лживых обещаниях, как со стороны Временного правительства, так и со стороны большевиков. Солдаты не знают, кому верить, а воевать-то не кому, армии нет. И в этом виноваты вы!

Керенский бледный молча выслушивал нелюбезную речь пожилого генерала (в ноябре 1917 года ему исполниться 60 лет) и когда тот закончил, тихо произнёс:

– Россию спасти надо.

Алексеев с минуту помолчал и затем сказал:

– Да, лучше поздно, чем никогда. Я в вашем распоряжении, Александр Фёдорович.

И они все трое уехали в Зимний дворец, где Алексеева официально назначили начальником штаба при Верховном главнокомандующем. От главнокомандующего Керенского он потребовал упразднить должность комиссара при Верховном, а посты военного и морского министра заменить профессионалами. Керенский согласился.

Из Зимнего Алексеев направился в военное министерство и по телеграфу связался с Корниловым.

– У аппарата генерал Алексеев.

– У аппарата генерал Корнилов. Фамилия писаря при подполковнике Алексееве?

Корнилов учёл прошлый опыт и на всякий случай решил подстраховаться от провокаций.

– Завьялов, – последовал ответ.

– Слушаю вас, Михаил Васильевич.

– Я, генерал Алексеев, принял после тяжёлой внутренней борьбы предложение Главковерха Керенского стать у него начальником штаба. Но сообщаю вам, что в своих дальнейших действиях буду руководствоваться вашей программой, Лавр Георгиевич. Переход к новому управлению армии должен совершиться преемственно и безболезненно, ибо в корень расшатанный организм армии не испытал бы ещё лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми. Согласны ли вы добровольно передать мне дела Ставки?

– Да, – последовал ответ Корнилова, – я подчинюсь, но при определённых условиях:

1) Если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации.

2) Приостановить немедленно предание суду генерала Деникина и подчиненных ему лиц.

3) Считает вообще недопустимым аресты генералов, офицеров и других лиц, необходимых, прежде всего, армии в эту

ужасную минуту.

4) Генерал Корнилов считает безусловно необходимым немедленный приезд в Ставку генерала Алексеева, который, с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, с другой – явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку.

5) Генерал Корнилов требует, чтобы правительство прекратило немедленно дальнейшую рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, Корнилова, еще не сдавшего верховного командования, и вносящих смуту в стране и войсках. Со своей стороны, генерал Корнилов обязуется не выпускать приказов к войскам и воззваний к народу, кроме уже выпущенных.

В этом был весь Корнилов: только-только преодолев болезнь, имея ещё слабость телесную, имел и железную волю к победе. Его отстраняют от должности, вполне могут арестовать, а он диктует условия.

– Хорошо, я доложу и немедленно выезжаю, – сказал Алексеев. – Продолжайте до моего приезда осуществлять командование войсками.

Главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве Родины с преданием его за это в дальнейшем суду, получил приказание продолжить командование армиями этой Родины.

Алексеев передал условия, а Керенский действительно отдал приказ о выполнении армиями всех оперативных прика-

заний Корнилова и Ставки.

Днём 31 августа поезд генерала Алексеева тронулся в путь на Могилёв. В ночь с 31 августа на 1 сентября Алексеев из Витебска связался с Могилёвом. У аппарата был генерал Лукомский.

– У аппарата генерал Алексеев.

– У аппарата генерал Лукомский. Какой армией ваше высокопревосходительство командовали на маневрах 1913 года?

– Я командовал 3-й австрийской армией, взявшей Пултуск.

У членов Витебского Совета, присутствовавших при разговоре, вытянулись лица от ужаса: «Перед нами что, вражеский агент?»

– Нет, – ответил Вырубов, сопровождавший генерала, – это была штабная игра, учения ещё до войны.

– Циркулирующие сплетни и слухи, – диктовал Алексеев телеграфисту, – окутывают нежелательным туманом положение дел, а главное вызывают некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда оттуда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне: 1. считаете ли, что я следую в Могилёв с определенным служебным положением, или же только для переговоров. 2. Предполагаете ли, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилёв вероятно 2-го сентября или вечером 1-

го сентября следственной комиссией под председательством военного и морского прокурора. От этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себе, быть простым свидетелем тех событий, которые подготовляются распоряжениями и которых, безусловно, нужно избежать.

– Сегодня вечером, – ответил Лукомский, – генерал Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас, как на лицо, предназначенное на должность начштабверха, и предполагал после разговоров с вами и, показав вам ряд документов, которых вы вероятно не имеете, дать вам свое окончательное решение, считая, что, быть может, ознакомившись с делом, вы несколько измените тот взгляд, который, по-видимому, у вас сложился. Во всяком случае, уверяю вас, что генерал Корнилов не предполагал устраивать из Могилёва форт Шаброль и в нем отсиживаться. Я убежден, что ради того, что бы ни прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких либо непоправимых несчастий, вам не будет чиниться никаких препятствие по оперативным распоряжениям. Вот все, что я знаю. Если этот ответ вас не удовлетворяет, я могу разбудить генерала Корнилова и дать вам дополнительный ответ. Нужно ли?

– Да, придется разбудить, так как всего сказанного вами недостаточно. После тяжелого размышления я вынужден был силою обстоятельств принять назначение, во избежание других решений, которые могли отразиться на армии. В решении этом я руководствовался только военной обстанов-

кой, не принимая во внимание никаких других соображений. Но теперь возникает вопрос существенной важности: прибыть в Могилёв только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другою волею, невозможно. Или придется взять все, или отказаться совершенно от появления в Могилёве. Я сказал вам, что после моего отъезда из Петрограда, оттуда идут распоряжения, идущие помимо меня, но прямо касающийся событий, которые могут разыграться в Могилёве. Поэтому явиться невольным участником столкновения двух волей, не от меня зависящих, я считаю для себя и недопустимым, и недостойным. Или с прибытием в Могилёв я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни и службы армии, или совсем не должен принимать должности. В этом отношении не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, так как это может повлечь за собой непоправимые последствия. Я понимаю, что документы могут осветить мне ход событий. Думаю, что мой взгляд не идет в разрез с сутью этих документов. Но в настоящую минуту вопрос идет о практическом разрешении создавшегося положения.

– Для получения мне вполне определенного ответа от генерала Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: 1. что делается с Крымовым и 2. решено ли направить сюда что-либо для ликвидации вопроса.

– Я задержал сегодня свой отъезд до 10 ч. утра, что бы до-

ждать приезда генерала Крымова в Петроград. Видел его и разговаривал с ним. На пути видел бригадных командиров Туземной дивизии и читал записку, присланную им от генерала Крымова. Записка говорит об отводе Туземной дивизии в район станции Дно и о прибытии начальников дивизии и бригадных командиров в Петроград. Сейчас в Витебске циркулируют неясные слухи, что с генералом Крымовым что-то случилось, но слухам этим я не доверяю и предполагаю, что он остался в Петрограде. Крымов говорил мне, что в 12 часов он должен был быть у Керенского. На 2-ой ваш вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей. К глубокому сожалению на пути узнал, что непосредственно из Петрограда отдаются распоряжения, которые становятся мне известными совершенно случайно, — о направлении средств для насильственной, если нужно, ликвидации. Потому-то я и высказал, что для меня и недостойно, и недопустимо пребывание при таких условиях в Могилёве. Вот причина, вследствие которой для меня необходим ясный ответ. От него будет зависеть мое решение. Но, к сожалению, я не могу сейчас повлиять на остальные распоряжения. Сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидации было бы большой ошибкой.

– Генерал Корнилов просит вас приехать, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим генерал Корнилов настаивает, что бы вы приняли все меры к тому, чтобы

никакие войска из других пунктов теперь в Могилёв не вводились и к нему не подводились, ибо по настроению здешних войск произойдет кровопролитие, которое генерал Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Генерал Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска к Могилёву не подводились, будет исполнена?

– Сделаю все.

По окончании разговора Алексеев спросил:

– Василий Васильевич, я узнал, что Витебский и Смоленский военные комитеты собирают войска для похода на Ставку. Что это значить?

– Я об этом ничего не знаю, – пожал плечами Вырубов.

– Хорошо, завтра спросим у Керенского.

В Ставке Корнилов молча выслушал доклад Лукомского о разговоре с Алексеевым и приказал собрать старших офицеров штаба. Штаб собрался. Лукомский ещё раз рассказал о разговоре с Алексеевым.

– Прошу каждого высказать своё мнение об этом, – сказал Корнилов.

Большинство высказались о неподчинении Временному правительству.

– В Могилёве у нас достаточно сил, что бы сопротивляться любому карательному отряду.

– Одним отрядом, боюсь, дело не ограничится, – мрачно заметил Лукомский. – Сопротивление убедит всех, что мятеж действительно имел место. Керенского это очень обрадует. Получается, что он прав. К тому же, при сопротивлении мы потеряем оперативное управление фронтами, а в условиях войны это грозит непредсказуемыми последствиями.

Выслушав всех, Корнилов произнёс:

– Спасибо, господа офицеры, я учту ваше мнение.

Все разошлись, а через час Корнилов вызвал Лукомского к себе.

– Вы правы, Александр Сергеевич, дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно. Пойдите на телеграф и передайте генералу Алексееву, что я и вы ему подчинимся, и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности.

В Могилёв Алексеев прибыл в три часа дня 1 сентября, его встречал генерал Лукомский.

В Ставку, в кабинет Корнилова Алексеев зашёл один, Вырубов остался ждать в приёмной. Там же находились адъютанты Корнилова – поручик Долинский и корнет Хаджиев. Спустя некоторое время в приёмную пришли жена и дети Корнилова.

Через два часа из кабинета вышел взволнованный Алексеев, прошёл приёмную и пошёл вниз по лестнице.

Таисия Владимировна бросилась в кабинет к мужу. Корнилов стоял у окна и смотрел на Днепр. Он обернулся на звук

открываемой двери. Она бросилась к нему на грудь, разрыдалась. Корнилов обнял её, гладил по волосам.

– Ну, что ты плачешь, Таечка? Не надо, успокойся. Ничего, ничего, всё хорошо. Ты думала, я застрелюсь?

Она замотала головой у него на груди.

– Богатства у меня нет, а честь есть. Застрелиться, значить признаться в собственной вине. А вины на мне нет. Да и как я своих брошу? Они мне верят и пойдут за мной. А ты? А Наташа, а Юра? Нет, Алексеев прав. Будем жить, будем бороться.

– Против Керенского?

– Что Керенский? Он пловец отменный, да воды найти не может. Есть враг и посерьёзней. Большевики! А за ними германцы. Алексеев своим авторитетом спас Временное правительство, но правительство-то временное.

Они вышли из кабинета. Двадцатилетняя Наташа и десятилетний Юра бросились к отцу. Корнилов прижал к себе дочь, погладил по голове сына.

– Как думаешь, Хан, – сказал он Хаджиеву, – что дальше будет?

– Все, что случается с человеком, все к лучшему, ваше высокопревосходительство. От судьбы не уйдешь. Все великие люди страдали.

– Ну, не такой уж я великий.

Генерал был не большого роста.

Алексеев направился в аппаратную и связался с Керенским.

– Александр Фёдорович, я принял на себя обязательство путем одних переговоров окончить дело. Мне не было сделано даже намек на то, что уже собираются войска для решительных действий против Могилёва. Войска идут из Витебска, Смоленска и Москвы, мне полковник Верховский докладывал по телефону из Москвы. Что это значить?

– Михаил Васильевич, нами был получен за эти сутки целый ряд сообщений устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех родов оружия, что она объявлена на осадном положении, что на 10 верст в окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и орудий. Принимая всю обстановку во внимание, не считаю возможным подвергать вас и следственную комиссию возможному риску и предложил Короткову двигаться. Никаких других распоряжений, каким бы то ни было, другим частям от меня не исходило. Я предлагаю вам передать генералу Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдать себя в распоряжение власти, демобилизовать свои войсковые части немедленно, причем ответственность на эти части не упадет, если это будет сделано немедленно. Все это должно быть выполнено в 2-х часовой срок с момента окончания нашего с вами разговора. Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены генералом Корниловым и лишены

свободы действий.

– Вы там с ума сошли! Должность я принял. Безопасность и свобода действий моя и следственной комиссии вполне обеспечена. В Могилёве никакой артиллерии нет, никаких фортификационных сооружений не возводилось, войска вполне спокойны, и только при наступлении подполковника Короткова столкновение неизбежно. И за два часа я всех офицеров не соберу.

Около часа ночи от начальника кабинета Керенского, полковника Барановского поступила телеграмма-напоминание на имя Вырубова:

Верховный главнокомандующий требует, чтобы генерал Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше меры и все грозит разразиться колоссальным взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления Советов и большевизма ожидается не только здесь, в Петрограде, но и в Москве и других городах. В Омске арестован командующий войсками, власть перешла к Совету. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные решительные действия, аресты указанных вам лиц и тогда возможна еще борьба. А. Ф. Керенский ожидает, что государственный разум подскажет генералу Алексееву решение и он

примет его немедленно: арестует Корнилова и его соучастников. Сегодня, сейчас необходимо дать это в газеты, чтобы завтра утром об аресте узнала вся организованная демократия. Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Советы бушуют и разрядить атмосферу можно только проявлением власти и арестом Корнилова и других. Повторяю дальнейшее промедление невозможно. Нельзя дальше только разговаривать, надо решаться и действовать.

В Зимнем дворце явно паниковали. Алексеев прочитал принесённое Вырубовым напоминание и успокоил Зимний ответной телеграммой:

Около 12-30 часов главковерху отправлена мною телеграмма, что войска, находящиеся в Могилеве верны Временному Правительству и подчиняются безусловно главковерху. Около 22 часов генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилёве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его отряда далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет. Таким образом, за семь часов времени пребывания моего в Могилёве были исполнены толь-

ко дела и исключены разговоры. Около 24-х часов прибывает следственная комиссия, в руки которой будут переданы чины уже арестованные, и будут арестованы по требованию этой комиссии другие лица, если в этом встретится необходимость. С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, являются неоспоримым фактом.

В ночь с 1 по 2 сентября арестованные генералы были заключены в лучшую в городе гостиницу «Метрополь». Каждый арестант получил по отдельному номеру. Двери не запирались, и арестованные могли спокойно общаться между собой. Единственное неудобство – родных и близких к ним не пускали. Корнилов потребовал, что бы жена и дети на всякий случай покинули Могилёв.

Гостиницу снаружи охранял георгиевский батальон, внутри, преданные Корнилову текинцы. Текинцы говорили солдатам, щуря глаза:

– Вы керенские, мы корниловские. Резать будем!

Позже арестованных переведут в Быховскую тюрьму.

Мятеж окончен, Керенский победил. Это произошло 1 сентября 1917 года, для Европы – 14 сентября.

Алексеев не смог работать с министром-председателем и подал в отставку. Позже он напишет донскому атаману Ка-

леди́ну:

«Три раза я взывал к совести Керенского, три раза он давал мне честное слово, что Корнилов будет помилован; на прошлой неделе он показывал мне даже проект указа, одобренный якобы членами правительства. Все ложь и ложь! Керенский не подымал даже этого вопроса. Он или кретин или сумасшедший. По-моему – кретин".

Эпилог

Керенский победил, но цена этой победы над собственным Верховным главнокомандующим была не утешительная.

Армия обезглавлена. Лучшие генералы империи – в Быховской тюрьме. Большевики вышли из подполья и набранную из рабочих красную гвардию спешно обучают военному делу. Военно-революционный комитет распущен не был. Большевики готовились взять власть в свои руки.

Ленин перебрался из своего убежища в Гельсингфорс и работал над планом вооружённого восстания, учитывая июльские ошибки. Осталось выбрать время для восстания.

Обыватели считали, что то, что на улицах Петрограда не появились ужасные дикие горцы, они обязаны большевикам. Большевиков, по крайней мере, перестали бояться.

Керенский вывел из Петрограда сколько-нибудь значимые воинские контингенты.

В столице не осталось войск верных Временному правительству, только юнкерские училища и женский батальон. Всего около двух тысяч штыков. Такими силами столицу удержать было не возможно.

Её и не удержали...

31 августа 2019 г.

Обложка и иллюстрации взяты из открытых источников.